

Геннадий Прашкевич

Цветы для Чирика

Геннадий Прашкевич

Цветы для Чирика

«Автор»

Прашкевич Г. М.

Цветы для Чирика / Г. М. Прашкевич — «Автор»,

© Прашкевич Г. М.

© Автор

Содержание

Глава I	5
Глава III	23
Глава IV	38
Глава V	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Геннадий Прашкевич

Цветы для Чирика

Глава I

Незванный гость

1 июля, Москва

– Цветы? Что за цветы?.. Чего это?.. Мне? Обалдел совсем? Какого хрена?.. Ты кто такой?.. Ничего не понимаю. Зачем цветы?

– А ты не заслужил?

– Я не артист, бля! И не пидор. Какого хрена? Забери обратно, не тычь в глаза. Ты чего? Крыша поехала? Или адресом ошибся?

– Странно...

– Чего тут странного?

Плечистый взъерошенный крепыш с темными бровями, ладный, безусый, но с хорошо ухоженной бородой, густо и темно упрятавшей его подбородок и скулы, темноглазый, в глазах плохо скрываемая растерянность, в коротком махровом халате до колен, уткнув короткие сильные руки в бока, агрессивно, но все равно несколько растерянно загораживал вход в комнату.

Он не предлагал Зимину пройти.

Даже напротив. Он хотел как можно быстрее вытеснить Зимина из прихожей, выдворить из квартиры, отделаться от него. Не испуган он был, а растерян, потому что никак не мог просечь ситуацию. Упирая руки в бока, упрямо наклоняя вперед коротко стриженную голову, он никак не мог понять, что за человек ввалился в квартиру?

– Обалдел? Шесть часов, бля!.. Шесть утра! Ты вдумайся! Всего-то шесть утра! Я и открыл только потому, что ждал приятеля...

– Не жди. Не приедет приятель.

Зимин смотрел на Чирика без интереса.

Ну, Чирик. Много на свете таких Чириков.

Если отвлечься от того, что в прошлом стоит за плечами Чирика, на первый взгляд вполне нормальный, даже чем-то привлекательный придурок. Наверное, каждый день раскланивается с соседями. Наверное, при случае занимает соседям червонец до полочки. Делится хлебом и солью. Плечист. Такой за себя постоит. Бородат. Решителен. В глубине глаз, правда, прячется некоторая неуверенность, но это не каждый увидит...

Зимин увидел.

Зимин был уверен, что скоро Леня Чирик заговорит с ним совсем по-другому, поэтому, собственно, Зимин и не обращал особого внимания на возмущенный тон Чирика. Лишь бы не орал во всю глотку. А так...

Да черт с ним! Пусть выговорится. Может, станет сговорчивей.

– Разве приятель тебя не предупредил?

– А тебе что? – агрессивно наступал на Зимина хозяин квартиры, то уткнув руки в бока, то обеими руками хватаясь за темную ухоженную бороду. За его многословием тоже угадывалась растерянность. – Тебе-то что? Я не с тобой договаривался. Я с приятелем заранее договаривался. И дверь не тебе открыл, а приятелю. Не тебе! Понял? Совсем не тебе. Приятель

заранее предупредил, что придет без пяти шесть и постучит в дверь. Вот так. Условным стуком. Совсем как ты постучался. Но тебя-то я не знаю! Какого черта! Тебя я не звал. Откуда ты знаешь наш условный стук?

– Да успокойся ты, – сухо посоветовал Зимин. – Ну, не придет твой приятель, совсем не придет. Я вместо него. Понял?

И добавил:

– А на будущее совет. Пока бесплатный. Учти. Стук он, конечно, стук, даже если условный, но в другой раз не ленись, привстань хотя бы на цыпочки, загляни в дверной глазок.

– Чего глядеть? Там на площадке нет света.

Ответ подтвердил скрытую растерянность хозяина квартиры.

Но Чирик не был испуган.

Он совсем не был испуган.

Неся весь этот бред, Чирик попросту пытался потянуть время, пытался сообразить, что, собственно, происходит. И он явно чувствовал опасность. Какую-то острую и серьезную опасность. Инстинкт у него развит был здорово. Он всеми фибрами души чувствовал серьезную опасность.

– А ты следи за порядком, – укорил Зимин. – Если назначаешь встречи приятелям так рано, чуть ли не ночью, следи за порядком. В конце концов, сам мог ввернуть лампочку...

– Ну, бля, достал!.. Твое это дело?.. – взорвался хозяин квартиры.

Уперев жилистые короткие руки в бока, он выпрямился, выпятил живот, прикрытый махровым халатом, вскинул круглую коротко стриженую голову и смерил Зимина презрительным, откровенно угрожающим взглядом. Он, похоже, и на ты к Зимину обращался исключительно из презрения. И ростом был не намного, но все же повыше Зимина. Сантиметра на два. Иногда это дает преимущество. Так, наверное, и считал Чирик. Короткие руки, торчавшие из-под закатанных рукавов махрового халата выглядели весьма жилистыми и волосатыми. Собственно, такими они и были. А быстрый бегающий взгляд Чирика был полон презрения, но и раздраженного, при этом острого, очень острого (это Зимин сразу отметил) внимания к каждому произносимому Зиминим слову.

Чирик не боялся.

Но он чувствовал опасность.

Чувствовал сильно, по-звериному.

Долетел до него запах паленого, усмехнулся про себя Зимин.

Но держался Чирик хорошо.

– Чего ты несешь? Чего ты несешь? С чего ты взял, что не придет приятель? Явится с минуты на минуту!

– Да успокойся ты, – терпеливо повторил Зимин.

И пояснил, взглянув на часы:

– У твоего приятеля всякие неожиданности. Неприятные неожиданности. Бывают приятные, когда идешь по улице и находишь толстый бумажник с дензнаками. А бывают неприятные. Скажем, на личном «мерсе» едешь по улице маршала Бирюзова и сталкиваешься с продуктовым грузовиком. Знаешь магазин «Рыба»? Ну вот, правильно, у самого Октябрьского Поля. Там твой приятель и столкнулся с продуктовым грузовиком. У его «мерса» от удара поотлетали все нули, – ухмыльнулся Зимин. – Совсем, как в известном анекдоте. Придется теперь твоему приятелю пересечь. Не в «шестерку», как ты подумал, – снова ухмыльнулся Зимин. – В камеру. Да и плакал его «мерс». Годится теперь разве что на запчасти. И к тебе приятель уже не заедет. У него неожиданно появилось важное дело. Прямо с утра появилось. Ты уж не пеняй на него. Незачем твоему приятелю сюда заезжать. Твоему приятелю сейчас надо крепко собственную жизнь обдумывать, а не шляться по нехорошим адресам.

– О чем это ты?

– Да о твоём приятеле. О Толике Власове. О Листике. Разве не так зовут твоего приятеля? Ну да. Я об Анатолии Ивановиче Власове. Он же Листик. А еще его зовут Влас, да? Я ведь не ошибся? Ты Власа ждал?

– Ну и что?

Хозяин квартиры даже презрительно усмехнулся:

– Надеюсь, цветы не от Толика?

– Твоему приятелю не до цветов. У него свои проблемы. От нас эти цветы. Принимай.

– От кого это от вас?

– А от хороших людей. Ты потерпи, узнаешь, – засмеялся Зимин. И повторил: – Узнаешь. Что ты все время торопишься? Как блоха. Все узнаешь в процессе. И не дергайся. Что тебе так не понравилось? Слово процесс? Да брось! Нормальное слово. Других не хуже. Так что, не торопись. Не торопись и не дергайся. Все, что надо, узнаешь в процессе.

Зимин специально повторил не понравившееся хозяину слово.

– Все! Хватит! Никаких разговоров! – твердо заявил хозяин квартиры. Он, кажется, пришел к какому-то определенному решению. И решил настоять на своем. – Проваливай! Выбросить мне тебя нетрудно, – поиграл он бицепсами, – но лучше проваливай сам.

Похоже, Чирик действительно оценил, наконец, своего неожиданного гостя по всем параметрам.

Расчетливо оценил.

Это сразу придало ему уверенности.

– И цветы поганые заberi! – сплюнул он. – Я не какая-то примадонна. Адресом ошибся.

– Ты не примадонна, это точно, – охотно согласился Зимин, внимательно оценивая возможности Чирика. И, оценив, не счел их чрезмерными: – Судя по твоим волосатым рукам, ты даже не Паваротти. А? Что скажешь? Я не ошибся? Но цветы тебе придется принять.

– Это почему?

– А потому, – ответил Зимин уже без всякой усмешки и это сразу насторожило хозяина квартиры. – Их тебе по делу прислали.

– Как это?

– А так. В дар.

– От кого?

– Ну, скажем... – секунду помедлил Зимин. – От семьи Лапиных...

– Во, бля! – изумился Чирик. – Кто такие?

Зимин ухмыльнулся:

– Ну, не помнишь Лапиных, хрен с тобой, не буду настаивать... Прими тогда эти цветы в дар от девочек с улицы Панфилова...

– Что за девочки, бля?

– Ну, а если ты уже и панфиловских не помнишь... – уже совсем сухо ухмыльнулся Зимин, – тогда, то прими цветы в дар от сибирских девочек... Или еще от каких-нибудь... Мало ты их на своем свету перевидел, что ли?.. Ну, а хочешь, так вообще прими эти цветы в дар от пассажиров большого «Икаруса»... Помнишь большой автобус «Икарус» на шоссе Харьков-Москва?.. Помнишь челноков в большом «Икарусе»?..

– Ты меня с кем-то перепутал, точно! Ничего не помню, не желаю помнить. Выметайся! Хватит болтать! Или я сам это сделаю.

– В каком смысле сам? – удивился Зимин. – В каком это смысле ты сам это сделаешь?

– А в том, что выброшу тебя за дверь.

– Ой, правда?

Зимин как бы растерянно, как бы с некоторым внезапным испугом отступил на шаг к входной двери.

Ну, на полшага.

Короче, совсем ненамного.

Но разъяренный хозяин квартиры купился на это как бы растерянное движение и, не раздумывая, бросился на Зимина. Он решил, что Зимин действительно испугался. Он действительно решил выбросить Зимина из квартиры. И поймав Чирика на его порыве, в неуловимом, в легком, в как бы танцующем темпе Зимин левым коленом нанес Чирику удар в живот.

Удар оказался хорош.

Очень хорош.

Чирик задохнулся.

Локтем, собственно, можно было и не добавлять, но Зимин на всякий случай добавил и локтем. А когда, охнув от боли, задохнувшись, схватившись обеими руками за живот, хозяин квартиры опустился, точнее, безвольно сполз по стене на пол прихожей, Зимин спокойно повторил:

– Ну все, все, да?.. Хватит суетиться... Чего ты все время суетишься?.. Я же предупреждал... Пора переходить к делу... Сам понимаешь, я мог придти к тебе и без цветов, но я хотел произвести впечатление...

– Считаю, произвел...

Морщась от боли, тяжело поднявшись с пола, прихрамывая и все так же держа обе руки на животе, хозяин квартиры проследовал, наконец, в комнату и уже здесь спросил:

– Ты кто? Что тебе надо?

– Ну чего ты опять частишь? – рассеянно заметил Зимин. – Сейчас поговорим, не торопись, все узнаешь.

– Не хочу я слушать тебя, – презрительно процедил сквозь зубы хозяин квартиры. Наверное, ему было очень больно.

И не выдержал:

– Кто тебя послал?

Неплохо держится, отметил про себя Зимин. Даже очень неплохо.

В общем-то я так и представлял себе Леню Чирика, подумал он.

Все, что я знал о Чирике, сходится с тем, что я вижу. Крепкий орешек. Но я его сейчас напрягу. Крепкий орешек, но малость суетливый. Это хорошо, усмехнулся Зимин про себя, что Чирик не знает, кто нагрянул к нему в гости. Пусть пофантазирует. Чирик хорошо осведомлен о существовании всяких там специальных управлений по борьбе с особо опасными преступниками, но такие специалисты, как он, Зимин, пока Чириком не занимались. Пусть пофантазирует. Я Чирика сильно напрягу. Сейчас Чирик перестанет усмехаться. Сейчас Чирик в один момент растеряет все иллюзии. Сейчас он почувствует, что такое настоящий страх и что такое настоящая ненависть. Сейчас у Чирика сознание начнет бледнеть и туманиться от страха. Сейчас он почувствует такую жгучую ненависть, о какой раньше попросту не догадывался. Такую ненависть, которой надо бояться. Такую ненависть, которая заставляет человека рыдать. Такую ненависть, которая заставляет охваченного ею человека самым угрюмым и скверным утром просыпаться на час раньше, чтобы можно было на тот же час дольше и сильнее ненавидеть того, кого хочешь ненавидеть.

Но вслух Зимин спросил:

– Бывал в Новосибирске?

– Никогда.

– Неверно, но простительно, – терпеливо хмыкнул Зимин. – Действительно есть места, в которых тебе лучше не бывать. Именно тебе. Не кому-то там, а именно тебе... Например, тебе действительно лучше бы никогда не бывать в Орле... Не бывать в Твери, в Москве... Тем более, в Новосибирске... В Новосибирске особенно... И в Уфе тебе лучше бы не бывать, и в Оренбурге... В Анталии и на Кипре, это ладно, это пожалуйста. Там бывай... Конечно, пока... – ухмыльнулся Зимин. – В Анталии и на Кипре и без того достаточно дерьма... А вот

в Новосибирске, это точно... В Новосибирске тебе, придурок, лучше никогда не бывать... По-хорошему, тебе надо бы забыть, что есть на земле такой хороший сибирский город... Дошло?.. Лучше бы не знать тебе ничего такого о Новосибирске...

Хозяин квартиры хмуро промолчал. Он явно не был согласен со сказанным, но, по крайней мере, больше не возражал.

Зимин огляделся.

Квартиру Лени Чирика он знал хорошо.

Зимин уже трижды побывал в квартире Чирика, естественно, не спрашивая на то разрешения хозяина.

Хорошая работа, сработали мы хорошо, отметил Зимин про себя не без тайного удовлетворения. За последние два месяца мы трижды побывали в квартире Чирика, но Чирик, кажется, ничего не заметил. До него, кажется, так и не дошло, что за последние два месяца его квартиру несколько раз навещали незваные гости. И, разумеется, тайком.

Компьютер на столе.

Понятно, ворованный. С не вычищенными хвостами чужих стертых файлов на жестком диске. Напичканный в основном игрушками – от всяческих страшилок до всяческой порнухи.

Большой письменный стол. Интересно, зачем Чирику такой стол? Ни листка бумаги на нем, ни ручки.

Тумбочка с телевизором. Видик.

Удобное кожаное кресло. Еще одно удобное кожаное кресло у стены. Кресла не ворованные. Проверено.

Ну, понятно, диван, застланный неярким шерстяным пледом.

Ничего особенного. Все, как в других квартирах. Ну, может, дорогой позолоченный светильник на столе. Не просто позолочен, а от души позолочен, щедро. Старинная работа. Такую позолоту не спутаешь с бронзовой краской. Опять же, портьеры. Тяжелый китайский шелк. Такие портьеры вполне сгодились бы для занавеса в любом модернистском миниатюрном театрике, каких сейчас в Москве много.

Зимин удовлетворенно потянул за шелковый шнур портьеры.

Он знал, какой вид перед ним откроется. Москву-реку можно видеть из многих окон столицы, но Зимина радовал именно этот конкретный вид. Не так просто было вычислить главное убежище Лени Чирика. Зато, навеваясь тайком в квартиру Чирика, Зимин досконально изучил все секреты квартиры – от хорошо припрятанного огнестрельного оружия до еще более хорошо припрятанных валюты и разнообразного веселого золотишка, может, совсем недавно сорванного с сопротивляющихся жертв.

Хорошо, хорошо поработали, удовлетворенно решил Зимин. Поработай мы плохо, подумал он, оставь мы тут какие-нибудь следы, никогда бы осторожный Чирик не впустил меня в квартиру, предварительно не глянув в глазок.

Прокололся.

Так бывает.

То, что глубоко входит в привычку, однажды обязательно подводит человека. То, что глубоко входит в привычку, однажды попросту не срабатывает. Не срабатывает и все тут! Если привык впускать гостей по условному стуку, значит, рано или поздно, на этом и сломаешься, рано или поздно впустишь в квартиру чужого человека. Сказывается некая самой природой встроенная в человека биологическая программа. И ничего с этим не поделаешь. Все люди с детства запрограммированы на какую-нибудь ошибку.

Ладно, это потом, решил Зимин. Сейчас я не хочу никакой философии.

Он не глядел на Чирика, но чувствовал каждое его движение. И, как ни странно, ничего не испытывал к Чирику, кроме обыкновенного равнодушия и такой же обыкновенной про-

фессиональной настороженности. Теперь, когда все труды разработки остались как бы позади, Зимин действительно смотрел на Чирика без интереса.

Он сказал:

– Ну, хватит. Не дергайся. Давай потолкуем. Давай порешаем некоторые вопросы. Я давно хочу порешать с тобой некоторые вопросы, а ты не даешься, дергаешься. Сколько можно? Давай успокоимся. Ну? Как ты относишься к тому, чтобы тихонько посидеть и порешать вопросы?

– Во, бля!.. – с некоторым даже восхищением в голосе прошипел Чирик. Судя по голосу, он все-таки прикидывал, как ему легче и удобнее разделаться с незваным гостем. – Какие еще вопросы?

– Разные, – ответил Зимин.

И кивнул с пониманием:

– Чего нам спешить?

И спросил:

– Есть у тебя ваза?

– Зачем?

– Хочу поставить в воду цветы.

– Дались тебе цветы! Ты что, ненормальный? На кой тебе эти цветы? Выбрось их в форточку, пока я сам не выбросил.

– Ты цветы не выбросишь, – охотно пояснил Зимин. – За цветы уплачено. Цветы эти присланы тебе, но, пока я тут, ты без моего разрешения к цветам даже пальцем не притронешься. И будь добр, обращай ко мне на вы. С этой минуты обращай ко мне только на вы.

– Это еще почему?

Чирик, кажется, полностью пришел в себя.

Он даже со значением потер жилистые волосатые руки.

Сильные руки.

Умелые.

Было видно, что Чирик на этот раз настроен решительно. И было видно, что урок, полученный им в прихожей, он учтет.

– Если ты думаешь, что врезал мне в прихожей...

– Заткнись, – негромко, но очень убедительно произнес Зимин. – А чтобы ты и впредь не суетился, подойди к дверям и глянь в глазок. Уже рассвело, можно рассмотреть площадку. Сделай то, что не сделал сразу.

– Ага, я пойду, а ты тут...

– Иди, иди, – повторил Зимин. – Иди, глянь в глазок. Тебе это нужно. Для устойчивости. И для понимания обстановки. Чтобы ты реальность почувствовал. Чтобы ты по-настоящему реальность почувствовал. Ты утречком зря не глянул в глазок после условного стука. Привычке передоверился. Коль уж стучат условно, так свой. Вот и вышла ошибочка. Лампочка, опять же, перегорела. Так что, иди и исправляй ошибку.

Чирик помедлил, но встал.

Оглядываясь, вышел в прихожую.

Осторожно наклонившись к входной двери, он еще раз оглянулся на Зимина и только потом прильнул к глазку.

– Эти два мужика на площадке, они что... с тобой? – негромко спросил он, странно вдруг успокаиваясь. – Загадят всю лестничную площадку... Хамы... Нашли место для курения...

Зимин кивнул:

– Со мной.

И разрешил:

– Можешь вернуться в комнату. Только погоди, не садись. Не ленись, глянь вниз в окно. Я для тебя портьеру специально раздвинул. Видишь внизу во дворе белую «девятку»?.. Ну, там рядом с ней два человека курят... Здоровые такие мужики, правда?.. Нравятся?..

– Нисколько, – мрачно ответил Чирик.

И взглянул на Зимина:

– Мне надо переодеться.

– Зачем? – усмехнулся Зимин.

– Как это зачем? Мне в восемь по делам...

– Считай, сегодня у тебя выходной.

– С чего это вдруг? – с сомнением переспросил Чирик. И обеспокоился: – А если даже и выходной? Не сидеть же мне перед тобой в одном халате. Под халатом у меня даже трусов нет.

– Я это почувствовал, – ухмыльнулся Зимин. – Когда поддал тебе коленом.

И посоветовал:

– Не надо тебе переодеваться. Сиди в халате. Так даже хорошо. Если тебя снова придется успокаивать, так до тебя боль быстрее дойдет. Не дергайся. Я знаю, что в джинсовой куртке, которая висит у тебя в стенном шкафу, ты держишь «ТТ». Только и об этом забудь. Не надо. Если даже я позволю тебе добраться до пистолета, это не вариант. В нем нет патронов.

– Когда это ты успел?

– А ты не заметил?

– Нет.

– Это хорошо. Это мне нравится. Это, значит, хорошая работа, – удовлетворенно кивнул Зимин. И усмехнулся: – Стареешь, гражданин Чирик. Я рад, что ты ничего такого не заметил.

И намекнул:

– О ноже, кстати, тоже забудь. Я знаю, что ты неплохо владеешь ножом, но ты ведь не хочешь, чтобы тебя самого в ответ пырнули, правда?

– Правда, – хмуро ответил Чирик. Он или временно смирился со своим положением или опять прикидывал какие-то варианты. – Но, бля, кажется мне, что ты ошибся. – Несмотря на предупреждение, он упорно обращался к Зимину на ты. – Вот на спор, ты искал кого-то другого.

– Ну? – удивился Зимин. – Разве ты не Лещинский?

– Ну и что? Мало в Москве Лещинских?

– Но ты же Леонид Иванович?

– И Леонидов Иванычей в Москве хоть пруд пруди.

– Зато они не ходят под кликухой Чирик, – ухмыльнулся Зимин. – Ты не суетись, гражданин Чирик, и ничего не придумывай, – предложил он, удобно устраиваясь в кресле прямо перед хозяином квартиры. – Когда человек врет, ему нужна хорошая память. Без хорошей памяти запутаешься потом. Именно ты и есть Лещинский Леонид Иванович. Родился в Москве в апреле шестьдесят седьмого, да? Закончил школу, служил в Чите, учился в Менделеевке, но недоучился, занялся мелким бизнесом, но без особых успехов. Уехал в Сибирь. В частности, жил в Новосибирске. Потом вернулся. Это же про тебя?

– И что из этого следует?

– Из этого следует, что живешь ты сильно не по средствам, гражданин Чирик. Чего ты морщишься? Я тебя только так буду теперь называть. Просто на Леонида Иваныча ты не тянешь. Квартира у тебя не из дешевых. Вот паркет. Дубовый паркет. Потолки высокие. Арочки понаделаны вместо дверей. И место приличное. Квартиру в этом районе дешево не купишь. Дачка опять же. Две машины. Два собственных лотка возле площади Курчатова. Торговля идет хорошо. Я уж не говорю про твои отпуска. Кипр, Анталия... Не дешево... Живешь на широкую ногу... Про блядей совсем уж не говорю, ты не спишь с дешевками... Короче, я прав. Живешь ты сильно не по средствам.

– Один я, что ли, такой? Третью Москвы так живет.

– Не преувеличивай, – сухо заметил Зимин. – »Третью Москвы«... Третью Москвы живет совсем по-другому. Лучше пойди на кухню и свари кофе. Мы с тобой сейчас позавтракаем... И не суетись... Не суетись... Сильно тебя предупреждаю, не суетись... Ты меня сердитого, считай, еще не видел. Не надо меня сердить... Кухня у тебя, кстати, тоже хорошо проверена. Топоров и обрезов ты в кухне не держишь, и крысиного яда у тебя не припасено.

– На хера ты мне нужен?.. Яд на тебя тратить... Да еще завтрак для тебя готовить...

Зимин нехорошо ухмыльнулся.

– Пойди и свари кофе, – так же нехорошо приказал он. – Время у нас с тобой, конечно, есть, но вдоволь времени никогда не бывает. Лучше все делать вовремя. Выпьем кофе, посидим порешаем вопросы... Серьезно порешаем... Как следует порешаем... Кстати, – напомнил он, – найди там что-нибудь перекусить. Я сегодня еще ничего не ел.

Хмуро поднявшись, Чирик как бы неторопливо, как бы выказывая этим свою самостоятельность, отправился на кухню.

Зимин осмотрелся.

Он не думал, что хозяин квартиры действительно подсыплет ему в кофе какую-нибудь гадость. Кроме того, он чувствовал, что, несмотря на показное спокойствие, Леня Чирик в панике. В самой настоящей панике. И дело не в ребятах, которые покуривают на лестничной площадке, и не в тех ребятах, которые покуривают во дворе возле «девятки». Просто Леня Чирик, никак внешне не отреагировав на слова о семье Лапиных, о девочках с улицы Панфилова и о пассажирах «Икаруса», этим самым, этим своим слишком откровенным непониманием выдал себя.

Зимин отчетливо чувствовал – хозяин квартиры в панике.

Это еще цветочки, равнодушно подумал Зимин. Я тебя, гражданин Чирик, так сейчас напугаю, что ты сам побежишь за цветами. Для меня. Ты теперь всю жизнь будешь носить мне букеты. Я умею пугать.

И подумал: со скотами всегда надо говорить просто.

И подумал: скоты всегда тупы и нелюбопытны. До скотов доходят только самые простые слова.

А цветы это так...

Цветы это для непонятности...

Цветы это для того, чтобы сбить Чирика с толку.

Наверное, гражданина Чирика нещадно били в детстве, без всякого сожаления подумал Зимин. Гражданин Чирик не любит разговаривать один на один с неизвестными ему людьми. Пожалуй, все-таки это была удача, подумал он, выйти именно на такого крупного скота. С крупными скотами управляться, конечно, сложнее, зато результат налицо. С такой скотиной можно работать. И жалеть некого. Не Чирика же мне жалеть. Конечно, нелегко было вытащить следственные дела, заведенные на гражданина Чирика в МУРе и в новосибирском Управлении, тут потребовалось все влияние полковника Лыгина, но все, кажется, теперь это видно, получилось как надо... Разумеется, не обошлось и без некоторого элемента удачи, но как обойтись без удачи?..

– Чего ты там копаешься? – крикнул он Чирику. – Порежь ветчины! Она у тебя под морозильником. Там же, где сыр.

– На, жри... – Чирик негостеприимно опустил на стол поднос, на котором стояли кофейник, чашки, тарелки. Похоже, Чирик тоже еще не завтракал. По крайней мере, на тарелках были и ветчина, и сыр, и масло, и хлеб, и открытая банка с красной икрой.

– А молоко?

– Не держу.

– Жаль.

– Жри свой кофе и говори, что надо?

– Грубишь?.. – Зимин поморщился. – Что у тебя за ветчина?.. Жаба тебя давит, гражданин Чирик. Где ты покупаешь такую ветчину? Одни жилы... И сыр надо покупать другой. Не в лавочках, а в хорошем гастрономе. Может, дороже, зато не отравишься... У тебя желудок крепкий?

– Не жалуюсь.

– Тогда слушай. И соответственно думай. И обращайся ко мне только на вы. Я предупредал. Больше предупреждать не буду. Мне проще выплеснуть горячий кофе тебе в глаза, чем еще раз предупреждать... Слушай и запоминай, гражданин Чирик... Есть такой поселок Мариничи... В Карачевском районе Брянской области... Ничего особенного, обычный серый поселок, правда, стоит на оживленной трассе. Брянск-Орел. Знаешь такую трассу?.. Так вот, гражданин Чирик, в апреле одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года, не так уж и давно, как ты понимаешь, когда начал сходить снег, под этими самыми Мариничами вытаяла из-под снега пара «подснежников»...

– Я гляжу, у тебя страсть к цветам.

– Что есть, то есть, – ухмыльнулся Зимин. – Ты меня внимательно слушай. Очень внимательно... И не суетись... Если захочешь на меня прыгнуть, я сумею тебя остановить. А потом добавлю. Ты что, еще не понял, что я мастак добавлять?.. Так вот, значит, в апреле одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года под этими самыми Мариничами вытаяла из-под снега пара «подснежников»... Как это часто случается, группы не опознали, так и похоронили неопознанными... Что возьмешь с глупых ментов, правда, гражданин Чирик? У ментов ведь дел по горло, а кроме того, надо кормить семьи. Когда постоянно думаешь о семье, становится как-то не до качественной работы. Правда?.. Вот и остались «подснежники» неопознанными. Ты слушаешь?..

– Слушаю, – хмуро отозвался хозяин квартиры.

– Так вот, дальше... Через полгода после этой находки случилась такая история на участке трассы Харьков-Москва. Заметь, уже осенью и довольно далеко от того места, где вытаяли из-под снега «подснежники». И на другой территории. Если быть точным, то на территории Тульской области. Шел по шоссе большой «Икарус» с челноками из Орла. Маршрут ясен, штурмана не надо. Москва, рынок «Лужники». И дело самое простое. Приехал, продал, купил и домой. Даже выгодное дело, не только простое. Так вот, в том месте трассы, о котором я говорю, с заднего сидения «Икаруса» поднялся некий человек, подошел к водителю и попросил остановить автобус. Водитель не удивился и тормознул. Они, наверное, обо всем заранее договорились. Как только «Икарус» остановился, в салон ворвались трое. Болтать они не стали, сразу выстрелили водителю в голову и начали сбор денег и ценностей. Сережки с женщин срывали чуть ли не вместе с ушами. Не свои ведь уши, правда?.. Чего ты позеленел? Просто торопились ребята. И улов у них оказался неплохой, они даже наличкой взяли большую сумму. А по ходу дела пристрелили еще одного пассажира. Тот, видимо, не вовремя поднял голову. Может, даже опознал кого-то из нападавших...

– Ты с телевидения, что ли? Репортер?

Коротким движением без всякого замаха Зимин резко выплеснул горячий кофе в глаза Чирику.

Тот было рванулся от боли, но вовремя обмяк.

Скривив губы, протянул жилистую руку к брошенному на стол полотенцу.

Медленно утерся.

– Я не репортер. Я твоя судьба, придурок, – сухо объяснил Зимин. – Лично на тебя мне наплевать, абсолютно наплевать, понял? Ты мне нужен всего лишь для дела. Хороший ты или плохой, гражданин Чирик, мне на все это трижды наплевать. Тебе уже за тридцать, сама природа отказалась от тебя. Знаешь, что природа после тридцати лет отказывается от человека?

Для природы важно, чтобы человек, как всякое живое существо, оставил потомство. После этого природе абсолютно наплевать на человека, вот как мне сейчас на тебя. Сколько ты там протянешь, природе все равно. И мне тоже. В данном случае я заодно с природой. Я радуюсь, что ты не успел оставить потомство... Если бы ты даже был очень хороший, гражданин Чирик, все равно после тридцати ты никому не нужен. Будь ты самым расхорошим, гражданин Чирик, все равно ради пользы дела я спокойно обрубил бы тебе пальцы и уши. Для меня это, как ты уже наверное понимаешь, не проблема. Но ты, гражданин Чирик, насколько я знаю, плохой. Ты даже сильно плохой. Поэтому сиди и молчи. То, что ты плохой, здорово облегчает мне работу. Я этому рад. Но больше мне не мешай, и ничего такого не придумывай...

Он перевел дыхание:

– Менты, как я тебе уже говорил, люди занятые. Из-за таких, как ты, не успевают они управляться с делами. А еще они, я говорил, постоянно обременены безденежьем. История с «Икарусом», как и трупы под Мариничами, осталась загадкой. Не нашли лихих ребят, все работали в автобусе в масках. А челноки ведь, знаешь, народ пуганный, робкий. Они там какое-то время порыдали над потерями и снова, наверное, ездят в Лужники. Только теперь с нормальной охраной и чужих в автобус не пускают.

– Ну?

– А в прошлом году, гражданин Чирик, на улице Панфилова, это здесь неподалеку, по дороге к метро «Сокол», слева за мостом, значит, если ехать от Октябрьского поля к Песчаным улицам, из автомата АКСУ были расстреляны две милых парочки, которые не вовремя подъехали в «шестерке» к дому номер двенадцать. Две девицы и два паренька. Если всерьез, то подъехали-то они как раз вовремя. У одной из девиц был день рождения, она собиралась, так сказать, оттянуться. Потому и дружков приволокла. К несчастью, квартиру девицы, очень, кстати, не бедную, даже очень, только что обчистили. Так уж случилось. Бывает. Возможно, грабители не думали, что хозяйева вдруг подъедут. Так сказать, ни к селу, ни к городу. Машина грабителей стояла во дворе, но была уже загружена. В принципе, грабители могли спокойно уехать, на них ведь никто поначалу не обратил внимания, но почему-то началась стрельба. Почему начали стрелять – до сих пор загадка. Но начали. Может, кто-то из подъехавших все-таки обратил внимание на грузовую машину? Не знаю. Печально, но факт. Началась стрельба. У одного из пареньков, приехавших на день рождения, был с собой пистолет. Вот он его и выхватил. И пару раз успел выстрелить. Ничего не сняв с трупов, грабители забрали только пистолет. На все остальное они плевали. Да и нам с тобой, – хмуро подмигнул Зимин, – плевать на все это, правда?.. Нам ведь с тобой до этого сейчас как до фонаря?.. А, гражданин Чирик?..

– К чему вы все это?

– А ты еще не понял?

– Нет.

– Тогда включи видик и поставь вот эту кассету.

Хмуро пожав плечами, хозяин квартиры приказ выполнил.

По сощуренным темным глазам Чирика, неопределенно оглаживающего бороду, нельзя было понять его настоящие чувства, но приказ Зимина он выполнил. Казалось, он малость по привычке к гостю, а может, он просто ни на секунду не забывал людей, торчавших на лестничной площадке, Ну и тех, конечно, которые курили во дворе возле «девятки».

Телевизор зашипел, побежали по экрану мутные полосы, потом сразу пошла изображение и звук.

Снимали любители.

Обыкновенная пьянка.

Камера лихо наезжала на разгоряченные лица развеселой компании. Вовсю гремела музыка. Кто-то плясал, кто-то склонился над богатым столом. Занюхав выпитое белесым ломтиком ананаса, хорошо выбритый крепкий жилистый человек послал воздушный поце-

луй прямо в объектив камеры. Другой вдруг одним прыжком вскочил на стол, как на капот машины, и, пригибаясь, шумно палил из воображаемого автомата.

«Любите, девочки, хороших мальчиков, хороших мальчиков и моряков...».

Похоже, главным героем вечеринки был Чирик.

Развалясь на диване, Чирик, хорошо выбритый, без каких-либо признаков бороды, неторопливо отхлебывал из хрустального фужера коньяк и благосклонно, по-хозяйски, кивал разыгравшимся гостям.

– Стоп кадр! – приказал Зимин.

Хозяин квартиры хмуро нажал на кнопку пульта.

Теперь на замершем экране крупно обозначился он сам.

За правое плечо Чирика обнимал крепкий усач с близко посаженными чуть косящими глазами. Слева от Чирика сидела растрепанная девица. Лицо у крепкого усача было широкое, блином, тянулась до самого темени лысина, а глаза смотрели придурочно, хотя чувствовалось, что усач далеко не простак. Это усач специально косил под простака. Он и дергался, и хихикал, и что-то там нашептывал, но кореша обнимал крепко. Было видно, что усач не просто обнимает кореша. Он прямо держался за него, и держался крепко.

– Знаешь, кто это?

Хозяин квартиры молча кивнул.

– А имя?

– Овечкин.

– Это фамилия.

– Ну, Валька.

– Где он живет?

– Раньше жил на Расплетина, – голос Чирика чуть дрогнул. – Но, говорят, сейчас уехал.

– Куда?

– А мне откуда знать?

Зимин усмехнулся:

– Сказать?

– Ну?

– Он в Медведевский лес уехал. Знаешь, где это?

– Где?

– Под Орлом.

– Ну и что?

– А то! – передразнил Зимин. – Он вот приехал в лес с близким корешом, а кореш спать его уложил в лесу, да еще сверху для тепла присыпал хворостом. Вот под хворостом Овечкин и пролежал месяца три. Всякие зверьки рожу пообкусали, уши порвали, как рвали уши бабам в «Икарусе». Ну и все такое прочее. Хочешь, покажу фотографии?

– С меня цветов хватит.

– Неверно, но не совсем.

Зимин удовлетворенно рассмеялся:

– Чего-то ты, гражданин Чирик, нервничаешь. Утро раннее, теплое, совсем июльское утро, а ты нервничаешь.

– Да ну, – хмуро сказал хозяин квартиры. – Нисколько я не нервничаю. Не знаю, зачем вы ко мне пришли, но такое, что вы тут рассказываете, я каждый день вижу по ящику.

– Ничего... Ты еще раз посмотри и послушай... Это полезно... Для таких, как ты, полезно... По ящику, как правило, сообщают общие вещи, часто без деталей, а я толкую тебе про дела конкретные... С деталями... Ты вот про детали послушай... А то я гляжу на тебя, а внешне у тебя, гражданин Чирик, ни один мускул на лице не дрогнул. Ты так только, позеленел немножко... И все... Так это, может, от жадности... Вот я, например, твой кофе пью... Нет?..

Не от жадности?.. Да ладно... Все равно, гражданин Чирик, ты нервничаешь... Я же вижу... Ты сильно нервничаешь... Это хорошо...

– Что хорошо? – не понял Чирик.

– А то хорошо, что я в тебе не ошибся и пришел не зря. Я массу времени потратил на то, чтобы тебя найти. Можешь поверить на слово, массу времени. У нас такая страна, что есть куда спрятаться. Это не какая-нибудь Финляндия и не какое-нибудь княжество Лихтенштейн, правда? Только ты забыл, гражданин Чирик, про законы физики. Даже в очень большой яме дерьмо всегда плавает сверху. От величины ямы вес дерьма не зависит. Как дерьмо ни старается лечь на дно, оно все равно плавает сверху. А яма у нас серьезная. Такая большая и серьезная яма, гражданин Чирик, что даже самое обыкновенное дерьмо начинаешь воспринимать как серьезную субстанцию.

И предложил:

– Хочешь, расскажу некоторые подробности об «Икарусе», который шел в Лужники? Или о тех вытаявших под Мариничами «подснежниках»? Или о стрельбе, что случилась на улице Панфилова?

– Зачем мне это?

– Ты что, нелюбопытен?

– Не понимаю, зачем вы ко мне пришли? Вы что, мент?

– Успокойся. Я не мент и не репортер. Я уже сказал, что я не мент и не репортер. Я твоя судьба. И пришел я сюда в такую рань, чтобы посмотреть на тебя и решить, что с тобой дальше делать. Не скрою, в этой квартире я уже бывал. Когда ты уезжал на дачу. Я и на даче твоей бывал, когда ты болтался по своим подружкам. Мне у тебя понравилось. Уютно. Чисто. Никаких следов разврата. Правда, на кухне десяток пустых бутылок... Ну так это объяснимо... Наверное, у тебя бывают приступы беспричинной тоски, а?

– Давайте короче. Плевал я на тоску.

– Ничего, тоска будет, – сухо пообещал Зимин. – Многие плюют на тоску, но мало у кого это получается. Сейчас я нагоню на тебя тоску. Настоящую тоску. Слушай меня внимательно. И думай. И попытайся, пока я говорю, изобрести хоть какую-то версию. Хотя бы из самоуважения.

– Не вам определять мое будущее, – огрызнулся хозяин квартиры. – Было, определяли.

– Ну да, не мне! – усмехнулся Зимин. – Если б не мне, стал бы я тратить на цветы. Я, кстати, – пояснил он, – сперва хотел оставить букет в квартире и уйти, а встретиться с тобой уже под вечерок, чтобы у тебя, значит, от цветочного аромата голова пошла кругом. Странно ведь, согласись. Все вроде на замках, на запорах, нигде не нагажено, двери не сломаны, ничто не пропало, а на столе цветы в вазе! А? Я сперва хотел, гражданин Чирик, чтобы ты, увидев цветы, в собственной квартире облазил каждую щель. Чтобы ты, не выпуская из рук «ТТ», забранный с одного из твоих знакомых трупов, заглянул в каждый угол квартиры. Чтобы тебе, паскуде, весь день не спалось и не елось. Но потом раздумал. Ты не из таких. Ты не из сентиментальных. Ты бы смылся. Мы бы тебя, конечно, разыскали сразу, это факт, но зачем лишний раз напрягаться? У нас за тобой давно установлено постоянное наружное наблюдение. Ты ведь для нас давно уже не человек, а фигурант. Иначе и быть не может. Ты вот даже сейчас сидишь и прикидываешь, куда я тебя поведу? Наверное, думаешь, что в тюрьму. В тюрьме ты уже сидел и не умер. Тюрьма, мол, сидишь ты и думаешь, те же университеты. Только ты ошибаешься, гражданин Чирик. И знаешь, что ошибаешься. Ты ведь одиночка, ты работаешь сам по себе, ты с настоящим преступным миром по-настоящему и не связан. Своих корешей, которые тебе помогали, ты уже загрыз и забросал хворостом, как того же Овечкина. Тебе, мол, тюрьма не страшна... А я тебе так скажу... Тюрьма, она, может, и университеты, только не для тебя. В эти университеты, кроме дураков, никто особенно не рвется. Даже знатные ходки туда не рвутся. Воры в законе, которые могут быть уверены в каких-то своих особых привилегиях,

и те старательно избегают тюрьмы. Ну никак не хотят в тюрьму! Знают, что пусть в тюрьме их место и далеко от параша, только в тюрьме они все равно сидят. Понимаешь? Сидят! Именно сидят, а не проходят университеты. К тому же, тюрьмы нынче прозрачные, ох, совсем прозрачные... Если уж на воле черт знает, что творится, то в тюрьмах-то... И думать не хочется! – неожиданно развеселился Зимин. – Тебе в тюрьме будет очень беспокойно, гражданин Чирик. Понимаешь меня?

И спросил:

– Помнишь Колобка?

– Не помню.

– Наверно, но не совсем, – усмехнулся Зимин. – Мы еще отдельно поговорим с тобой про Колобка. Мы еще с тобой поговорим про самых разных людей. Свари-ка еще кофейку и предложи гостю приличную сигарету.

– Я не курю.

– Во-первых, куришь. Во-вторых, в ящике стола у тебя лежит начатая пачка «Мальборо».

В третьих, никогда не ври попусту.

Почему-то эти слова подействовали на Чирика.

Он заметно побледнел.

Наверное, до него, наконец, со всей ясностью дошло, что странный гость действительно уже не раз навещался в его квартиру. И хорошо знает квартиру. Каждый уголок знает. Наверное, до Чирика, наконец, дошло и то, что для этого странного гостя он действительно давно уже не человек, а какой-то там фигурант под колпаком наружки.

Он встал, послушно отправился в кухню, сварил кофе и все так же послушно принес на подносе в комнату.

– Только вы зря распинаетесь, – сказал он мрачно. – Ну, следили вы за мной. Чего ж? Бывает... Ну, незаконно проникали в квартиру. И такое бывает... И кассета эта действительно моя. Чего скрывать?.. И Вальку Овечкина я хорошо знал... Только что тут такого? На кассете-то? Ну, гуляют пацаны. Мирно гуляют. Ничего в том плохого нет... И про Вальку я больше ничего не знаю. Ну, уехал и уехал куда-то... И про «Икарус» слышу впервые... И не надо мне тут всяких сказок про беспредел... Говорите ясно, зачем пришли?..

– Я скажу, – пообещал Зимин, неторопливо закуривая. – Этот кореш, который на экране обнимает тебя... Валька, значит, Овечкин... Он ведь не сам поехал в Медведевский лес... Не такой он дурак, чтобы подставлять зверькам свою сытую рожу... Уж кто-кто, а ты-то наверняка знаешь, с кем Овечкин поехал в Медведевский лес?..

– Не знаю.

– Ишь, какой уверенный!.. «Не знаю!» – ухмыльнулся Зимин. И подсказал: – Ты видик пока не выключай. Не выключай пока видик. Ты смотри, смотри на себя, каким ты когда-то был. Ты смотри на широкую рожу своего дружка, улыбайся своему дружку. Вдруг твоя улыбка каким-то образом дойдет до Овечкина?.. Как ты его называл? Валькой?.. Ну вот... А я, пока ты улыбаешься корешу, расскажу, как твой кореш Овечкин попал в Медведевский лес.

Чирик протянул руку за сигаретами и тоже закурил. Наверное, забыл, что он не курит.

– Так вот... Если коротко...

Зимин не спускал внимательных глаз с хозяина квартиры:

«Подснежники», которые вытаяли из-под снега под поселком Мариничи были все же опознаны. Можешь позвонить в прокуратуру, – усмехнулся он, – тебе подтвердят. Оказалась одна семья. Отец и сын Лапины. Ехали из Бреста в Армавир. Лапин-старший до этого работал в городе Винсдорф на складах Западной группы войск. Вместе с сыном перегонял домой новенький личный ВАЗ. Номера, понятно, транзитные. Нигде в ГАИ на территории России не зарегистрированы. Везли Лапины всякие хорошие вещи, везли наличку в валюте. А опознали трупы потому, что жена Лапина-старшего каким-то чудом вспомнила слова мужа, сказанные

им по телефону. Встречай, мол, жена, новенький ВАЗ с госзнаком 89–10 ЕЮЛ-транзит. Вот так вот, – усмехнулся Зимин. – Запомнила номер. Случается. А у тебя в столе, кстати, до сих пор валяется занятный немецкий календарик с голыми бабами. И как раз на девяносто четвертый год. Убитых Лапиных опознали, значит, а через полгода нашли и машину. Уже в Москве. В лесопосадке на Юго-Западе. За улицей Двадцати четырех бакинских комиссаров. Гулял там один хороший человек с собакой по кличке Трофим и наткнулся на машину. На разбитую, конечно. А разбил ее твой кореш Овечкин. И бросил. Так сказать, оставил след. А тебе это не понравилось. И чтобы ты не дергался, – сухо предупредил Зимин, – чтобы ты не суетился и не врал, и не говорил лишний раз, что, мол, все это очень далеко от твоего района и тебя не касается, а немецкие календарики с голыми бабами можно, мол, купить в любом киоске, я тебе сразу скажу одну вещь. Очень сильную вещь. У тебя в тайничке, в том, что врезан в деревянный подоконник, вместе с валютой припрятан на всякий случай сертификат об окончании курсов менеджмента на имя А.Ю.Лапина. А ты ведь не А.Ю.Лапин. Правда? Ты Л.И.Лещинский. И кликуха у тебя Чирик. Наверное, жалко было выбрасывать, а? – подмигнул Зимин. – Думал, наверное, пригодится в будущем документик?

– Сидеть!.. – коротко приказал он попытавшемуся вскочить хозяину квартиры. – Ты что, гражданин Чирик, с винта слетел? Перестал понимать слова? Я же честно предупредил, что вгоню тебя в тоску. В большую тоску. Как бы даже подготовил тебя к этому, а ты все равно дергаешься. К тому же, гражданин Чирик, то, что ты сейчас чувствуешь, если, конечно, чувствуешь, это еще не тоска. Это только так. Это только ее начало. Это, так сказать, еще только самое начало приступа тоски, но еще не сам приступ. Будешь вскакивать, я тебе яйца раздавлю, гражданин Чирик! А все остальное раздавят те, кто сейчас покуривает за дверью... Устраивает?.. Усек, гражданин Чирик?..

Хозяин квартиры хмуро кивнул.

– Теперь об «Икарусе». Нападавших было трое. Все в масках. Наводчик выскочил из автобуса и участия в разбое не принимал. В водителя стрелял плечистый жилистый человек. Как раз твоего роста, – усмехнулся Зимин. – Без бороды. Никто не запомнил бороду. Зато многим запомнились его руки. Он как-то нерасчетливо закатал рукава рубашки, а руки у него оказались жилистые и волосатые. Многим эти руки показались страшными, а значит, запомнились. Наверное, не успел побриться перед делом, – усмехнулся Зимин. – Собрав дань с пассажиров, лихие ребята уехали на иномарке вместе с наводчиком. А пассажир, которого застрелили, как позже выяснилось, раньше жил в Москве. Черт знает, может, он, дурачок, узнал кого-то по голосу. А? Некоторые пассажиры утверждают, что он вроде даже произнес какое-то имя. Тут, правда, масса противоречий. Один свидетель утверждает, что расслышал имя Ленья. Другой утверждает, что Лена. Выходит, за это и шлепнули человека. А? Чтобы, значит, не трепался. Чтобы, значит, никогда больше не трепался и не гордился хорошей памятью...

– Я ведь все это к чему? – сухо сказал Зимин. – В том же тайничке, устроенном в деревянном подоконнике, лежит у тебя пластмассовая коробка из-под компьютерных дискет. А в коробке, я сам удивился, золотые и платиновые сережки, цепи, перстни. Я не спорю, сейчас многим задерживают зарплату. Бывает, что задержанную зарплату выдают продуктами производства. Ну там, чайниками, телевизорами, носками. А тебе, выходит, зарплату выдавали золотыми и платиновыми цепями, перстеньками да сережками? Так, что ли?.. И чтобы совсем вогнать тебя в тоску, гражданин Чирик, сразу скажу... Я сравнил твои богатства с описью вещей, отобранных у челноков в тот вечер. Ну, понятно, и с другими известными мне описями. Жаба тебя давит, гражданин Чирик. Не помнишь ты правил игры. Кто же держит дома, пусть даже в тайничке, чужое награбленное золотишко?.. Оно понятно, по истечении лет оно как бы уже твое золотишко. А золотишко, говорят, душу греет... Но это ошибка. Точно тебе говорю, ошибка. Может, золотишко и греет душу, только не тому, кто его отнял силой... Я вижу, вон у тебя на полке какие-то книги стоят. Не много, но ведь стоят. Значит, что-то почитываешь.

А раз почитываешь, то когда-нибудь встречал, может, у классиков такое выражение – у бесов холодное семя?.. Так вот, гражданин Чирик, золотишко твое, оно как раз и есть такое бесовское семя... Холодное... Не твое... Не может оно тебя греть... Оно может только в тоску вгонять и в озноб...

И спросил, улыбнувшись:

– Ну как, нагнал я на тебя тоску?

Чирик поежился.

– Значит, дальше... Расстрел на улице Панфилова, это само собой... Ограбили квартиру, потом дождались хозяев. Или случайно на них наткнулись, не ожидали, что вернутся рано... Грабителей опять было трое. Время позднее, но свидетели нашлись. Свидетели всегда находятся. Не бывает так, чтобы совсем не находилось свидетелей, даже в самое позднее время. Москва город людный. Одного человека бессонница мучает, курит у окна, другой смотрит порнуху и отвлекается на непонятный шум, выскакивает на балкон, чтобы отдышаться от страсти. И все такое прочее. И если лихих ребят до сих пор не повязали, гражданин Чирик, то это не потому, что тут мистикой попахивает, а именно потому, что действовали указанные лихие ребята всегда сами по себе, без всяких связей с какими там преступными группировками... Ну, понятно, и расстояниями не гнушались... Так сказать, не лодыри... Сегодня работали под Орлом, завтра в Москве, послезавтра в Сибири... На этих лихих ребят, гражданин Чирик, пока даже одного общего дела не заведено. Конечно, в разных городах заведены на них разные дела, но все эти дела пока разобцены, не сведены в единое... Но вот ментов, гражданин Чирик, несмотря на их занятость, все-таки не стоит держать в придурках. Менты народ изрядно усталый и занятый, это так, но рано или поздно они все равно натыкаются на интересные совпадения... Согласен?..

Хозяин квартиры хмуро кивнул.

Как ни странно, он, кажется, успокоился.

– Ну вот, – усмехнулся Зимин. – Дергаться перестал, это мне куда больше по душе. Я вот еще не все рассказал, а ты уже на все согласен. И, кажется, никуда больше не торопишься. А то ведь ты спешил вроде?.. Нет?.. Хочешь поговорить?.. Это хорошо... Я ведь вижу, что тебе надо выговориться. Я ведь вижу, что ты даже спросить о чем-то таком хочешь... Только пока не решаешься. Правда?.. Ну, тогда я тебе сам скажу, чтобы ты лишний раз не томился... Тоска, гражданин Чирик, она дело серьезное. Тоску, гражданин Чирик, нельзя недооценивать. От тоски в петлю, бывает, лезут.

– Я не полезу, – дернулся Чирик. – Я вас переживу. Это вы, похоже, голову постоянно суете куда не надо.

– Меня? Переживешь? – искренне удивился Зимин. – Меня, значит, не будет, а ты будешь?.. Это как же ты себе такое представляешь?.. На тебе же трупов, гражданин Чирик, повешено, как собак...

– Это с вашей точки зрения.

– А с твоей?

– С моей точки зрения никаких таких трупов нет. Есть выдумки ваши. Это все ваши слова, что вы говорите. Это все какие-то неизвестные имена и домыслы. Когда человека нет, то его просто нет. И все. И ничего не докажешь. Чего тут непонятного. Мертвый человек сказать ничего не может... Так что, все это только выдумки да неизвестные имена... И все еще доказать надо...

– Неверно, но не совсем, – успокоил Зимин опять дернувшегося было хозяина квартиры. – Скажу так. На самом деле ты ошибаешься. Улик и доказательств много. Их хватает по каждому отдельному эпизоду. Вполне хватает, чтобы даже по трем-четырем эпизодам подвести тебя под вышку. Но, с другой стороны, как я уже говорил, общего единого дела на тебя пока действительно нет. Следователь, который занимается убийствами на улице Панфилова,

пока никак не связал это дело с лихими ребятами, ограбившими «Икарус». А дело с «Икарусом» ведет совсем другой следователь. И оба они пока не обращали нужного внимания на «подснежники» из-под Мариничей... Но на вышку тянет и каждое отдельное дело... А если не на вышку, так уж точно на пожизненное. Ну, может, на тюрьму с особо строгим режимом. А зачем тебе пожизненное в тюрьме с особо строгим режимом, гражданин Чирик, если ты собрался жить долго? Невыгодное дельце. Да и меня не устраивает. Меня, не дай Бог, на воле подстрелят, а ты, пусть в обстановке особо строгого режима, но будешь коптить небо? Пусть низкое, северное, но все равно небо? Нехорошо. Не устраивает меня это. И уж я, гражданин Чирик, соображу, как найти удобный способ подкинуть следователям некую догадку, так сказать, некое озарение, которое вдруг сразу объединит такие, казалось бы, разные дела... А это опять, не забывай, вышка... Это вышка по всем, даже по самым мягким законам. Без каких бы то ни было амнистий и помилований. Тебе даже апелляцию не позволят подать... А ведь есть еще всякие дела и делишки по Сибири, гражданин Чирик. А? Дела и делишки, которых мы с тобой пока еще и пальцем не касались... Нет, вышка, вышка светит тебе, гражданин Чирик, – убежденно протянул Зимин. – Мы ведь еще не отказались от смертной казни. Народ России считает смертную казнь полезной и необходимой. Да, собственно, гражданин Чирик, чего там? Ты же должен понимать, что особо строгий режим это тоже что-то вроде вышки. Только медленной. Там время долго течет. Там люди на Луну воют и в религию ударяются. Ты должен догадываться. Так что...

– Что? – быстро спросил Чирик.

– Так что никуда тебе не деться.

– Москва город большой, – опять быстро сказал Чирик.

– Это верно... Москва город большой, – согласился Зимин. – Вот Ташкент город хлебный, а Москва большой... Только ты напрягись и вспомни, гражданин Чирик. Ты ведь совсем как человек едешь по Москве с сотовым телефоном. И номер твоего сотового известен немногим... А разве за последние полмесяца у тебя не случалось каких-то странных звонков?.. Вот то-то и оно... Кто-то тебе звонил, не раз звонил. Кто-то интересовался тобой. Сильно интересовался... А дозвонившись, почему-то не назывался, не торопился назваться, немножко дышал в трубку и отключался, так и не вступив в разговор... И домой тебе звонили не раз... И на дачу... А вспомни ночные клубы, приятелей. Разве тебя не подзывали к телефону?.. Нам мол дядю Леню... Или Леонида Ивановича... Уважительно так просили подойти тебя к телефону или просто взять трубку в руку, если ты был при сотовом. А потом молчали, не торопились назваться, только дышали немножко в трубку... Заметь, что все это очень разные места и находятся в разных районах города... Понятно, гражданин Чирик, ты сейчас скажешь, ну, телефон, дескать, он и есть телефон, ошибались разные люди... Только я могу совершенно точно перечислить все места, в которых тебя доставали звонки. Значит, хотели от тебя чего-то... Напоминали... Ау, дескать, гражданин Чирик! Ау, это для вас звоночки, гражданин Чирик! Помним, помним вас!.. А чтобы ты совсем не сомневался во всем этом, мы тебе, гражданин Чирик, сегодня тоже позвоним... Я вот уйду, ты останешься один и засобираешься в гости, или на прогулку, или поиграть в бильярд, или кинешься в бега, а мы тебе и позвоним... Мы тебе позвоним даже в самое укромное место. Куда ты ни приедешь, гражданин Чирик, тебя везде позвонят к телефону. Можешь прятаться, куда хочешь, хоть на дно Москвы-реки, до тебя все равно дозвонятся. А если ты все-таки забьешься в какую-нибудь такую особенную тараканью щель, в которой еще не изобрели телефон, мы к тебе пришлем специального нарочного... И он принесет тебе букет цветов... Хочешь, букет будет совсем такой, как этот?..

– Не хочу. Чего вам надо?

– Ага, кажется, любопытство в тебе я разбудил. Если так, то можешь выбросить эти цветы или отправить букет на знакомые тебе могилки. Ты московские кладбища знаешь лучше меня. Но сперва давай посидим, порешаем наши вопросы... Спокойненько так порешаем. Без суеты,

без дерганья... Я ведь тебя не зря так долго искал, гражданин Чирик. Ты мне нужен. Ты для меня сейчас, гражданин Чирик, кадр очень ценный. Такой ценный, что я пока поберегу тебя и от вышки и от тюрьмы. Ты ведь у нас одиночка. Ты ведь ни с кем не связан. Ты даже содельников своих загрыз. Тебя сейчас как бы и на свете не существует... Вот и хорошо... Меня это устраивает... В принципе, гражданин Чирик, ты, может, и прав. Есть у тебя варианты пожить подольше... Когда человеку исполняется тридцать лет, природа отказывается от него. Лечись, дескать, сам, я процессы в твоём организме уже не контролирую. Сколько протянешь, столько и протянешь. Если тебя не зарежут, не повешают, не убьют... Сечешь, гражданин Чирик?.. Если мы с тобой сумеем договоримся, ты, может, и правда еще поживешь. Тихой жизнью. Незаметной. Не на нарах. Не в мордовском лагере. Даже наоборот. Где-нибудь на тихой подмосковной дачке. Ведь если будешь жить совсем тихо, гражданин Чирик, если ляжешь на самое дно, если напрочь забудешь о том, что людей можно драть и резать, как беспомощных овец, тогда действительно может появиться такой вариант... Мне что?.. Живи... Хрен с тобой... Если под наблюдением, то мы, может, позволим... Но сперва, понятно, придется тебе кое-что сделать для нас...

– Для вас?

– Ну, скажем, для меня...

– А что я буду иметь с этого?

– Как что? – удивился Зимин. – Как минимум жизнь. Мало?

Чирик неопределенно пожал плечами.

Кажется, слова Зимина его не убедили, но спорить он не стал. Спросил, подумав:

– Что я должен сделать?

– Для начала немного... – сухо сказал Зимин. – Я сейчас приглашу в квартиру одного своего товарища. Очень надежного товарища... Он будет с видеокамерой... А ты прямо сейчас, в моем и в его присутствии, очень подробно на видеокамеру факты своей нескучной биографии... Ну, а я тебе помогу, – усмехнулся Зимин. – Там, где ты что-то забудешь, я напому... Расскажешь очень подробно со всеми соответствующими деталями и про семью Лапиных, и про тот «Икарус», и про стрельбу на улице Панфилова, и про то, как ты увез своего кореша Овечкина в Медведевский лес... Ну и, само собой, про свои богатые сибирские приключения... Помнишь свои сибирские приключения?.. Богатый материал!.. Я тут про твои сибирские приключения практически не упоминал, но лучше они от того не стали... На ночь глядя о таком и заговаривать страшно... Но ты заговоришь... И обо всем подробно расскажешь... Очень подробно и без вранья...

– А если совру? – огрызнулся Чирик.

– Я тебя поправлю.

– Тогда чего не запишите сами?

– А мне нужен твой голос. Единственный и неповторимый, – сухо объяснил Зимин. – И твое бородатое лицо. И твои бегающие глупые глазки. Мне нужно твое чистосердечное признание во всех твоих пакостях. Я, может, собираюсь в суде просить за тебя.

– В каком еще суде?

– Да ладно. Это я так. К слову.

– Зачем вам запись?

– Для гарантии.

– Мало моего слова?

– Твоего слова?.. – сильно удивился Зимин. – Ты что такое несешь, гражданин Чирик?.. Ты какого мне дерьма предлагаешь?.. С этого момента, гражданин Чирик, забудь, что у тебя есть что-то твое... Твои башмаки, твоя шляпа, твое слово... Плюнь, гражданин Чирик, больше ничего твоего у тебя нет. Ты сам больше себе не принадлежишь. Ты весь теперь мне принад-

лежишь. И все твое мне принадлежит. С этого момента, гражданин Чирик, ты будешь делать только то, что я тебе говорю. И ничего больше.

– А если я не согласен?

– Если ты не согласен, – задумчиво и страшно вато объяснил Зимин, – тогда, значит, эти цветы лягут не на могилки твоих жертв и окажутся не в местном мусоропроводе, а будут лежать у тебя на лице. Сам ты будешь лежать на этом диване, на котором сейчас сидишь, а влажные цветы, вынутые из вазы, будут лежать у тебя на выпученных глазах. Так что не строй иллюзий. И учти, что тебя не сразу убьют. Ты людей всегда убивал с особой жестокостью. Вот и тебя не сразу убьют. Сперва тебя сильно покалечат. Ну, ты сам знаешь как. Поколют, порежут, поломают, поприжигают, помучают. А потом бросят на диван и выпученные глаза прикроют влажными цветами. А рядом будут валяться всякие интересные вещички и документы, и все твои тайнички будут приоткрыты. Даже если ты вдруг выживешь и пойдешь в тюрьму, то только калеккой. Круглым калеккой. Мы тебя так отделаем, что ты и на том свете будешь кататься в инвалидной коляске. А может... – задумался Зимин. – Может...

– Что может? – впервые открыто испугался Чирик.

– Да нет, ладно... – пришел к своему выводу Зимин. – Сперва тебя все-таки искалечат...

С особой жестокостью... Хотя, конечно, даже в этом случае тебе не стоит надеяться на чье-то сочувствие... Ты ведь, гражданин Чирик, не надеешься на чье-то сочувствие?..

– Не надеюсь, – мрачно ответил Чирик.

– Вот и хорошо. Если так, начнем работать.

– Прямо сейчас?

– А почему нет? Именно сейчас. Утром работается лучше всего, – удовлетворенно пояснил Зимин.

Он чувствовал, он очень сильно чувствовал дыхание близкой удачи. Бесконечный месячный марафон, казалось, не оставивший ему никаких сил, заканчивался. Зимин боялся каким-то лишним словом или неаккуратным движением спугнуть удачу. Полуотвернувшись от хозяйина квартиры, но ни на секунду не теряя его из виду, он неторопливо вынул из кармана радиотелефон.

– Готовы? – бросил он в трубку:

И выслушав ответ, коротко приказал:

– Оператора с видеокамерой ко мне.

И, взглянув на мрачного Чирика, добавил в трубку:

– Позавтракаем прямо здесь. Хозяин не жадный. И не беден... Не спорь, не беден, не беден...

Неторопливо закрыв трубку радиотелефона, Зимин так же неторопливо спрятал ее в карман.

Потом ухмыльнулся:

– Сварите-ка нам, гражданин Чирик, полную джезву кофе. Минимум на трех голодных мужиков. Я ведь и вас имею в виду, проголодались, наверное? А заодно потрясите хорошенько свой холодильник. Пусть из холодильника вывалится все самое вкусное, что вы в нем прячете. Мы ведь, можно сказать, будущее ваше спасаем, приводим его к универсуму... А?.. Так что, не стоит скупиться, правда?.. А будут телефонные звонки, – предупредил Зимин, – ни на какие звонки отвечать не надо. Совсем не отвечать. Ни-ни! Нет вас дома, гражданин Чирик. Вы ведь собирались куда-то?

Чирик хмуро кивнул.

– Ну вот видите! Собирались. А раз собирались, значит, ушли, вы человек решительный. Так что, начнем, – ухмыльнулся Зимин. – Раньше сядешь, раньше выйдешь. Шучу, шучу. Но чем скорей мы с вами закончим, тем больше времени останется. Или я ошибаюсь?..

Глава III

Большая пруха

3 июля, Новосибирск

Паскуды, паскуды и паскуды.

Паскуда на паскуде. Город паскуд.

Прямо с утра бомж Груня подрался возле железнодорожного вокзала с давним своим собутыльником Колькой-Недопыркой. Через полчаса устроил свару возле киоска «Альтернативные напитки». К обеду внаглую попытался прорваться на заветную территорию Большой городской свалки, за что был жестоко бит. При этом у Груни отобрали последний червонец, который он хранил в кармане затасканной телогрейки как бы на черный день.

Груня, конечно, не верил, что такой черный день когда-нибудь наступит. Груня, собственно, уже вечером собирался пустить припрятанный в кармане червонец на какое-нибудь хорошее дело, но не успел. Помоечный придурок известный лупень-козел с красивым прозвищем Олигофрен и эти его бесформенные сволочные подружки заловили Груню недалеко от входа на Большую городскую свалку. А точнее, уже на территории. Олигофрен и его паскудные сволочные подружки были как бы самым передовым отрядом некоей суровой гвардии, еще при ужасной горбачевской засухе выдвинувшимся из города и занявшим все высотки и таинственные дымные перевалы Большой городской свалки.

Конечно, Груня понимал, что если даже он и прорвется на территорию Большой городской свалки, ничего хорошего из этого не выйдет. Чужих на свалке всегда били. Чужих на свалке всегда бьют. И, надо думать (а Груня даже и не думал об этом, а просто знал) всегда будут бить.

При всех режимах.

В конце концов, Большая свалка это не лабиринт грязных городских мусорных баков, в которых может копаться кто угодно, не опасаясь того, что его могут в любой момент накрыть и напинать. Большая городская свалка это великий плодородный край, бескрайний, мало кем изученный, загадочный, вольный, никем не нанесенный на карты, часто и густо заволоченный то немножко вонючим, а то немножко едким дымком. Большая городская свалка это великая сытная, практически вечная неисчерпаемая кормушка, пусть и контролируемая всякими придурками лупнями, вроде Олигофрена. Наконец, это истинный райский мичуринский сад, в котором можно жить даже суровой зимой, нисколько не беспокоясь о завтрашнем дне. Конечно, этот вечный и величественный сад несколько вонюч, гниловат, снизу он немножко подопрел, зато он всегда распахнут перед тобой во все стороны – истинный сытный и теплый райский сад, таинственно фосфоресцирующий во тьме летних ночей.

Но, конечно, чужим на Большой городской свалке делать нечего.

На Большую городскую свалку просто так не приходят. На Большую городскую свалку могут только привести. А явиться самому... Просто так... Без словечка, нашептанного кому-то на ухо...

Чтобы решиться на такое, надо иметь совсем уж наглый характер.

Такой, как у бомжа Груни.

– Мы тебя уже били, – безрадостно узнал Груню Олигофрен.

И нехорошо сплюнул:

– В прошлом месяце.

И безрадостно спросил:

– Зачем ходишь?

Груня пожал плечами.

Он сам не знал, зачем он ходит.

Ну, ходит и ходит. Кому какое дело? Он не только сюда, на свалку, он вообще ходит. Вот ходит пока ходится. Может, привычка.

– Ты чё? Ты чё? – сразу заволновался и побагровел Олигофрен, любивший вникать в сложные проблемы, за что и получил такое красивое прозвище. – Трудно тебе изменить привычку?

Олигофрен как бы не понял Груню, он даже как бы изумился высказанному вслух предположению Груни. На самом деле побагровевший от непонимания Олигофрен просто-напросто красовался перед своими сволочными паскудными бяки-козлики бесформенными подружками:

– Ты чё, падла? – нехорошо красовался он. – Тут Родине изменяют каждый день, а ты привычку не можешь!

За сутулой спиной явно не выспавшегося, злого, зато всегда сытого Олигофрена сладко и маняще курились легким нежным дымком необозримые и таинственные пространства Большой городской свалки. Тревожно, почти по-спартански орало воронье, паскудно суетились другие непонятные птицы. По злым глазам Олигофрена, посверкивающим, как новогодние елочные игрушки, и по жадным мутным глазам его похихикивающих паскуд-подружек Груне сразу стало понятно, что этим нелюдям есть что терять и что они вовсе не собираются терять то, что могут потерять.

Короче, бомж Груня сразу понял, что лупень Олигофрен и его паскудные подружки и в этот раз встанут перед ним, как неизвестные герои перед прорвавшимся к городу фашистским танком.

Такие вот буки-козлики.

Обидно. Даже не обменялись новостями.

Груня любил обмениваться новостями.

По утрам, встречая своих оборванных приятелей, с которыми он выпивал то на железнодорожном вокзале, то в Первомайском сквере, то просто на набережной у Коммунального моста или в саду имени Кирова, Груня с интересом обменивался всякими мелкими и крупными городскими новостями.

Город большой.

Паскудный.

Новостей много.

Например, в пельменной на Красном проспекте кто-то неизвестный отобрал у посетительницы двести тысяч рублей, оставшись при этом действительно полностью неизвестным.

Хорошая работа, одобрительно обменивался новостью Груня. Сам бы он, несмотря на врожденную наглость, никогда не посмел бы напасть на посетительницу пельменной.

Струсил бы.

А два родных брата, с одобрением узнавал Груня, старые бомжи Соскины, ступив на жиганскую тропу, самолично зверски избили пожилого сторожа крутого магазина «Искра». Ничего братанам Соскиным в магазине не обломилось, но пожилого сторожа они избили.

И поделом.

Паскуда-сторож Искры», говорят, не покупался даже на бутылку.

Груня крепко осуждал непреклонное презрение сторожа «Искры», испытываемое им к бомжам, но сам, пожалуй, не смог бы его избить. Тем более, зверски и самолично.

А знаменитый ларек на улице Добролюбова, наконец, сожгли.

Недели три ходили к ларьку бомжи Ивановы, которые не братья, а просто однофамильцы (так о них говорят) и упрямо выпрашивали у хозяина немножко водки. Или немножко денег.

Или немножко жратвы. Хозяин-паскуда ничего не давал. Вот Ивановы, которые не братья, и сожгли, наконец, знаменитый, никому до того не сдававшийся ларек.

Впрочем, так и не сдавшийся.

И сжечь ларек Груня не смог бы.

Побоялся бы.

Но отдавал должное Ивановым, не братьям. Одобрял братанов. Тоже хорошая работа.

А Лешка Истец, по слухам, окончательно перестал верить в реформы, которые в скором времени должны были принести городу и стране полное и окончательное решение всех проблем и такое же полное и окончательное благополучие, и с расстройства вырезал на улице Есенина семью из трех человек – искал деньги и драгоценности. Понятно, что не для того, чтобы купить малиновый пиджак и в таком виде, да еще с массивной золотой цепью на груди и с карманами, набитыми крупными купюрами, гулять в толпе перед оперным театром. «Для вас, козлов, подземный переход построили!». Нет, конечно... Просто, говорят, было у Лешки Истца видение. Несколько ночей подряд, говорят, приходили к Истцу во снах суровые апостолы в белых одеяниях и злыми неутомимыми голосами утверждали, что херово, мол, ты живешь, Лешка, и херово, мол, кончишь!

Оно, может, и так.

Но возьми Лешка Истец драгоценности и деньги, про себя думал Груня, услышав интересную новость, этому Лешке Истцу цены бы не было. Удачливых везде любят. Это только так говорят, что удачливых, мол, не любят, что удачливым, мол, только завидуют.

Любят!

И еще как.

Удачливого человека, например, могут без всяких споров принять даже на Большой городской свалке.

Груня любил новости.

Как встретил кореша, так пошло-поехало.

«Слышь... Дядя Серега утонул... Ну какой?.. Не помнишь, что ль?.. Беззубый... В Инюшке утонул... Долго ли...?»

«Да как утонул? Он плавать не умеет».

«А ты знаешь?»

«Нет».

«Ну, вот и утонул... Не спорь, утонул...».

И после горестного размышления:

«А Сонька Фролова, та наоборот... Ну, фиксатая Сонька... Она совсем наоборот...».

«Это как? Выплыла?»

«Сгорела, чудак... Сгорела, мудило...».

«Сгорела?»

«А ты думал!.. Не как-нибудь!.. У себя в подвале и сгорела... На Советской... Ты пожри столько отравы... Знаешь дом под часами?.. Ты тоже, Груня, пьешь всякое... Однажды тоже сгоришь...».

Сгорать бомж Груня не хотел.

Бомж Груня пил осторожно.

В особо подозрительных случаях Груня первый глоток доверял сделать особо близким корешам.

Как бы из уважения.

Его и уважали за это. «Груня не пожалеет!»

И еще бомж Груня крепко верил в то, что, несмотря на все капризы судьбы, будет, будет, однажды ему выпадет настоящая пруха. Он много лет верил в это. Если бы он даже умер вне-

запно, то все равно умер бы с этим сладостным чувством, что будет, будет, обязательно будет впереди пруха!

И все такое прочее.

Отсюда, наверное, и наглое упрямство Груни, уже не первый раз пытающегося прорваться на территорию Большой городской свалки.

Оно, конечно, мусорные баки тоже кое-что значат.

Не без этого.

Однажды, года три назад, Груня сам, копаясь в жестяном мусорном баке на Серебренниковской, почти впритык с бывшим вытрезвителем, нашел в отбросах серебряную чайную ложку. А бомж Лишний из Мочища тоже однажды нашел в мусорном баке по улице Орджоникидзе женские золотые часы. Понятно, что Лишний продал часы за совсем небольшую цену, но все равно для него это были большие деньги и Лишний сразу стал известным человеком в городе. Его стали часто бить по делу и не по делу, а при встречах выворачивали у Лишнего все карманы: вдруг Лишний что еще отыскал?

На всякий случай Лишний так и ходил – с вывернутыми карманами.

Удачливых любят.

Но по сравнению с Большой городской свалкой любой даже самый богатый муниципальный мусорный бак – это так, ерунда, это чухня, это плешь собачья, это я прямо не знаю что, хоть ты доверху накидай в него золотых часов и серебряных ложек.

И все такое прочее.

Даже если люди врут, даже если ни одному человеческому слову на этом свете нельзя верить, все равно по-настоящему пустых слухов не существует. А бомж Груня собственными ушами не раз слышал, что стоит только прорваться на Большую городскую свалку, затеряться в ее сизых дымках, пройти буквально по первым ее пахучим квадратным метрам, как под ногами весело зашуршат почти нераспачатые блоки почти нежеванной иностранной жвачки, различные почти неношенные детские вещи от кутюр, тоненько, но выразительно зазвенят под ногами невыстреленные патроны от пистолетов и автоматов, за которые, кстати, на барахолке можно получить очень неплохие деньги, а при неудачном стечении обстоятельств и неплохой срок. Опять же, весело зашуршат под ногами пусть немножко отсыревшие, но зато почти нераспачатые пачки слабеньких болгарских сигарет «Родопи» и крепких французских сигарет «Житан».

И все такое прочее.

Да что там пачки «Родопи»!

Говорят, что на Большой городской свалке чуть ли не в любом отвале можно при случае наткнуться чуть ли не на пачку червонцев новыми. Не зря там, на свалке, в нежном голубом дыму постоянно пасутся не какие-то призраки бяки-козлики, а настоящие сутуловатые сытые бомжи-паскуды в богатых почти неношенных дешевых джинсовых куртках.

В конце концов, жизнь есть жизнь.

Если сам ничего не нашел, думал Груня, если сам ни на что такое хорошее не наткнулся, это еще не проигрыш. Если уж ты попал на свалку, скрылся в ее таинственных дымках, смело бери в руку железо, нападай на первого встречного и смело снимай с него джинсовую куртку. Известное дело, закон джунглей. Кто успел, тот не опоздал.

Сам Груня, конечно, не смог бы напасть на первого попавшего, но на Большую городскую свалку его постоянно тянуло. Время от времени Груня набирался смелости, повторял свои наглые попытки, но почти всегда натыкался на паскуду Олигофрена.

Так и сейчас.

Чуть ли не у самого входа на свалку, еще почти при дороге, но уже, конечно, на территории свалки, Груня в упор наткнулся на известного лупня с красивым прозвищем Олигофрен. Вместе с Олигофреном по прихотливо изрезанному краю свалки, как по морскому берегу, раз-

гуливала пара раскоряченных, кривоногих, крепко пропотевших и крепко просаленных подружек Олигофрена. Вот Олигофрен, не задумываясь, и дал Груне по морде, а его пропотевшие паскуды-подружки отобрали у Груни последний червонец.

Поначалу, разгорячась, они даже хотели забрать Грунину телогрейку.

К счастью, за день до похода к Большой городской свалке Груня в некотором подпитии маленько неудачно упал с мостика в узкую официально безымянную, но называемую в народе Говнянкой речку, отчего старая телогрейка со свалывшейся в полах ватой, обсохнув, приобрела не особенно привлекательный цвет. И немножко запах остался.

«Она тебе не будет личить», – сказала одна из мерзких пропотевших паскуд-подружек Олигофрена, как бы на глазок прикинув, как будет сидеть телогрейка Груни на бесформенном теле ее подруги.

Подруга согласилась:

«Она и тебе не будет личить».

Поэтому телогрейку Груне оставили.

Негромко подвывая от боли и обиды, матерясь и сплевывая от томящего голода, Груня потащился со свалки отдохнуть в чистую лесополосу, с помощью которой огромный промышленный город пытался отгородиться от душного сладкого дыхания огромной свалки.

А как отгородишься от дыхания свалки?

Шинель не шанель. Если даже номера схожи.

А червонец отобрали.

Паскуды!

Конечно, червонец – деньги, в сущности, небольшие. Но не для Груни. Для Груни ценность имел каждый отдельный рубль. Даже каждый в отдельности. А вы посчитайте сколько таких отдельных рублей в червонце?

Вот то-то и оно!

Когда еще старые времена вернутся?

Старые времена Груня уважал.

О старых временах Груня вспоминал со строгостью и с умилением.

Ведь было же такое время, когда всего на один рубль в самом обыкновенном государственном магазине можно было купить бутылочку красной бормотухи, плавленый сырок «Дружба» и еще три копейки оставались на «Вечерку». Правда, газету Груня никогда не покупал, но три копейки все равно оставались.

Только когда это было?

Так давно, что уже все генсеки перемерли.

Кстати, Груню всегда сильно дивило – от чего это так часто мрут генсеки?

Ну, в самом деле, подумайте.

На каждого отдельного генсека страна всегда без всякой жалости выделяла столько средств, что буквально всех бомжей страны можно было на эти деньги обуть-одеть, накормить-напоить, даже вылечить от чего-нибудь. И лечили генсеков самые лучшие врачи, не то, что бомжей. Дать мне таких врачей, думал иногда Груня, мне бы износу не было. А вот генсеки все равно мёрли, как мухи, сколько их не лечи. Сперва все они как бы здорово начинали жить, даже очень здорово и весело, многое им удавалось, а потом на тебе! – как отрезало. Одного не успевают отнести, как другой поспел.

Странно.

Смирясь обиду, матерясь, шмыгая мокрым носом, сплевывая, сморкаясь, потом опять матерясь и сплевывая, Груня шумно продирался сквозь жалкие колючие кусты болотистой местности к зеленеющей невдалеке лесополосе.

Он знал эти места.

Лет десять назад стоял неподалеку от начала лесополосы четырехэтажный панельный дом. Без фокусов дом, настоящий. Простая, но вечная хрущевка. Царство небесное Никите Сергеичу. Дом, конечно, и сейчас стоит. Потому как вечный. Стоит, как стоял, ничего с ним не делается.

И был тот дом, как, наверное, и сейчас, самой обыкновенной заводской общагой.

Абсолютно ничем та общага не отличалась от всех других общаг. Ну, может, только тем, что в день ежемесячного аванса и в день ежемесячной полочки, то есть дважды в месяц, в указанной общаге всегда от всей души били некоего Леню Паленого, бывшего приятеля Груни. От постоянных побоев Леня Паленый совсем дошел, часто кашлял, от слабости начал предполагать у себя рахит и многие другие серьезные заболевания, и, наверное, Леню Паленого так и забили бы потихоньку, как по ежемесячно отпускаемому плану, но началась перестройка. Зарплату, естественно, начали задерживать месяцами. Ни выпить вовремя, ни опохмелиться. А кто ж в трезвом уме станет бить трезвого Леню Паленого? В итоге, Леня отошел, округлился, забыл о рахите, стал проявлять живой интерес к новой жизни и даже завел мелкую торговлишку украденными на заводе запчастями.

На этой почве они и разошлись с Груней.

А раньше у них любовь была.

Горькая.

Водку жрать.

Трусливо оглядываясь на стремительно промчавшегося по опушке лесополосы зайца, Груня вырулил, наконец к лесополосе.

На зайца, на лупня проклятого, он оглядывался не зря.

Уж больно прыток!

Заяц, у которого нет на уме плохого, не будет носиться так прытко. Нормальный заяц ведет себя степенно, часто оглядывается. А этот или бешеный или вообще с ним что-то не так.

Червонец отобрали!

Паскуды!

Груню грызла обида.

Но от того, что утро выдалось по-настоящему летнее, теплое и светлое, а со стороны далекой теперь и огромной, как необыкновенная плодородная мичуринская пустыня, заволакивающей весь горизонт Большой городской свалки несло нежным почти прозрачным голубым смрадом, а сама дымящаяся свалка, как тонущая в океане неизвестная, но полная всяческих чудес таинственная страна, осталась в стороне за сырым болотцем, за кривыми мелкими кустами, и никто, ни лупень Олигофрен, ни его мерзкие паскуды-подружки, ни даже прыткий бешеный заяц, бяки-козлики, не могли набежать на Груню и надавать ему по морде, Груня, наконец, задышал вольней, распрямился, даже как бы расправил неширокие кривоватые плечи, обтянутые непривлекательного цвета и запаха телогрейкой, и даже вполголоса, но все-таки вслух, начал что-то такое насвистывать, поглаживая изредка грязной рукой свои небритые колючие щеки.

Отдохну, выберусь на дорогу, решил Груня.

Выберусь на дорогу и двинусь в центр.

Может, двинусь прямо к «Альтернативным напиткам».

Понятно, такого названия на киоске никогда не было, кто ж такое выставит на обозрение? – но в народе киоск, сразу и прочно облюбованный бомжами, называли именно так.

Во-первых, потому, что киоск расположен в центре города и рядом много других богатых киосков. Хочешь, бери пиво. А хочешь, бери водку «Алтай». А хочешь, бери французский коньяк «Наполеон». А во-вторых, потому, что если не хочешь брать пиво, или дорогую водку, или французский коньяк, то бери в «Альтернативных напитках» самую дешевую самопальную водку. Семь тысяч банка. Из-под полы, конечно. Напитки в «Альтернативных» всегда были

так дешевы, что обходились бомжам чуть ли не даром. Что, в самом деле, семь тысяч? Пару плюнуть. Правда и травануться можно.

Не без этого.

Выпивка вообще опасное дело.

Груня, например, никогда не слышал, чтобы какой-нибудь известный ученый, скажем, действительный член Сибирского отделения Российской Академии наук или даже просто член-корреспондент этой Академии после совместного распития спиртных напитков жестоко избил пустой бутылкой из чисто хулиганских побуждений своего другого ученого коллегу. А вот закоренелый бомж по кличке Моторный недавно во время совместного распития умудрился до смерти убить паскуду-подружку Катьку.

Правда, по делу.

Эта паскуда Катька, она все время пыталась сделать глоток побольше, а чекушку все-таки приобрел Моторный.

Так что, альтернатива налицо.

Или пей, как принято, по правилам, или получай по морде.

Груне нравилось, что главный удар, нанесенный закоренелым бомжом Моторным этой распутной, вздумавшей пить не по правилам паскуде Катьке, назывался по научному точно – пролом свода черепа.

Не хухры-мухры!

Постанывая, поругиваясь, матерясь, сплевывая, отсмаркиваясь, оборачиваясь, не прет ли за ним не по сезону прыткий заяц, чувствуя голод и обиду, Груня, наконец, углубился в лесополосу.

И остановился.

И сразу что-то такое почувствовал.

Ну, вот точно почувствовал, что-то не так!

Вот все вроде одно к одному – и утро теплое, и трава сухая, немятая, и воздух чистый, аж серебрится, и даже птички-паскуды переговариваются...

А что-то не так.

Ой, не так.

Например, дерево на опушке.

Груня сразу понял, что один из больших тополей, весь в листве, только снизу голый, выглядит как-то не так.

Не походил этот тополь на обычное нормальное дерево.

Снизу веток нет метра на три, а выше, как положено, нормальные густые ветви в густой листве, но если внимательно присмотреться, так снизу этот ободранный тополь вообще напоминал сейчас своими очертаниями не дерево, а как бы плотно прижавшегося к нему человека...

Почти в полный рост...

Притаившись в траве, приюхиваясь к ее теплому одуряющему аромату, Груня сглотнул голодную слюну и решил про себя, что пьяный человек так стоять не будет. Очень уж неудобно так стоять. Рано или поздно, стоя так, человек упадет, устанет. Даже если он совсем трезвый. Значит, у человека, обнимающего дерево, или много сил, а тогда следует бежать от него подальше, решил Груня, или же этот человек привязан к дереву, а тогда...

А тогда чего же бежать?

Груня внимательно осмотрелся.

Куда спешить?

Не обратно ж к Олигофрену.

Тихо лежал в траве, осматривался, машинально покусывал попавшую на зубы травинку.

Прислушивался.

Прикидывал.

Вроде нет никого вокруг.

Ни там, ни там.

И машин ни близко ни далеко не видно.

Вроде совсем нет никого в лесополосе, кроме него, Груни, и человека, обнявшего дерево. Вроде вообще нет ничего вокруг подозрительного. Даже ветерок стих, не шевельнет ни листочка. Есть только ровная полянка, уютно окруженная тополями и березами. И есть этот странный человек, которому почему-то вот надо стоять, обняв дерево.

Трава на полянке, конечно, малость примята, отметил про себя Груня, вон даже колею выдавил в траве автомобильный след, но так, чтобы кругом виднелись следы драки или насилия, этого совсем нет...

Окончательно убедившись в том, что ни на поляне, ни вокруг нее, ни дальше в лесосеке действительно нет ничего опасного, Груня нерешительно встал и, оглядываясь, направился к дереву.

Что-то подсказывало Груне, что идет он не зря.

Что-то подсказывало Груне, что сейчас, вот может сейчас, вот прямо сейчас пойдет ему пруха.

А настоящая пруха это не бутылку пива найти!

Груня шел мелкими шажками, осторожно оглядываясь и прислушиваясь. Он уже не сплевывал и не сморкался. Он боялся каким-либо излишним шумом спугнуть пруху. Обидно спугнуть пруху, когда она сама пошла. Ведь о большой настоящей крупной прухе Груня мечтал всю жизнь.

– Эй!.. – наконец негромко окликнул он прижавшегося к дереву человека. – Эй ты!.. Ты чего тут?..

И помедлив, опять позвал:

– Эй!..

Человек не откликнулся.

Вот паскудник! – удивился Груня.

Теперь он ясно видел, что неизвестный человек действительно стоял не просто так, не сам по себе. Неизвестный человек накрепко был прикручен к тополи белым капроновым фалом. Голова привязанного к дереву человека была низко склонена на грудь, на крутом плече нелепо, как сломанное крыло, топорщился черный расстегнутый пиджак, наверное, с пиджака сорвали все пуговицы. И белая рубашка на груди неизвестного человека была грубо разодрана, будто человека не один раз хватали за грудки. И неприятно белело сквозь прорехи голое незагорелое тело, кое-где покрытое царапинами и порезами.

Да не человек это, вдруг понял Груня, уже по-настоящему предчувствуя пруху. Никакой это не человек.

Мертвяк!

И осторожно подумал: вот паскудник? Стоит, пугает людей.

И так же осторожно подумал: а что может храниться в карманах пиджака и брюк у такого паскудника?

Еще раз негромко окликнув привязанного к тополи человека и опять не получив ответа, Груня приблизился.

Он не только приблизился.

Поборов нерешительность, внимательно, не торопясь, по-деловому изучил карманы мертвяка. В брючных карманах оказался только носовой платок. На белом уголке платка лиловыми нитками были вышиты буквы Е и З. Наверное, баба вышивала, подумал Груня. Платок показался ему чистым и он без размышлений переложил платок в свой карман. Пригодится.

В боковых карманах пиджака Груня, к большому разочарованию, тоже ничего не нашел, кроме расчески.

Но расческу взял.

Это хорошо, что мертвяк со мной не спорит, одобрительно подумал Груня про себя. И хорошо, что голова у мертвяка низко опущена, глаз не видно. Но вот плохо, что он, паскудник, так плотно прикручен к дереву, что никак не проверишь задний карман брюк. Обычно в заднем кармане ничего ценного не держат, но проверить бы не мешало.

А как проверишь?

Груня принялся.

Это хорошо, одобрительно подумал он, что я наткнулся на мертвяка сейчас, а не к вечеру. В сумерках с мертвяками вообще возиться противно. Не дай Бог, могут потом присниться. Известное дело. «Где мой платок, сука? Где расческа?» Зачем мне такие сны?

Осторожно оттянув лацкан черного модного пиджака, немного испачканного глиной, Груня полез во внутренний левый карман.

На этот раз предчувствие Груню не обмануло.

Его пальцы сразу наткнулись на кожу тугого бумажника.

Вот она пруха!

Настоящая.

Ловко переложив тугой увесистый бумажник во внутренний карман своей обшарпанной телогрейки не очень привлекательного цвета и запаха, от которой даже пропотелые паскуды-подружки Олигофрена отказались, Груня нервно и боязливо оглянулся.

Если он прямо сейчас уберется отсюда, подумал он, если он прямо сейчас выйдет к автобусной остановке и зайцем, ругаясь, торопясь, как тот настоящий прыткий бешеный заяц, за час доберется до центра, считай, что можно начинать новую жизнь. Абсолютно новую, абсолютно непохожую на прежнюю. Ну, совсем не похожую! Груня еще не знал, что лежит в бумажнике, он даже не стал заглядывать в бумажник, но он всем хребтом чувствовал, что сколько бы в таком бумажнике ни оказалось денег, на хлеб, на бормотуху, на «Приму» и вообще на новую жизнь их, пожалуй, вполне хватит.

Может, даже не на один раз.

А не на один раз это уже не мало.

Груня по собственному опыту знал, что, имея немного хлеба, «Приму» и бутылочку бормотухи, такой неприятный человек, как он, может жить неопределенно долго.

Осторожно, чтобы не дай Бог не дотронуться пальцами до холодного мертвяка, Груня оттянул на себя аккуратный лацкан пиджака и полез в правый внутренний карман.

И отшатнулся.

Не поднимая тяжелой, слегка окровавленной на затылке головы, мертвяк слабо вздрогнул. От легкого прикосновения Груни по телу мертвяка как бы прошел некий ток. Или невнятная судорога. Не поднимая головы, мертвяк неразборчиво, чуть ли не по слогам, пробормотал:

– Раз... вя... жи...

– Ты чё?.. Ты чё?.. – испугался Груня. Ему страшно не хотелось возвращать мертвяку тугой бумажник. – Как это я тебя развяжу?.. Ты чё?.. Я, что ль, тебя привязывал?..

И сказал негромко, стараясь, чтобы прозвучало как только можно убедительнее:

– Ты же умер!

И повторил с неким скрытым, но особенным значением:

– Ты же не живой!

– Жи... вой... – еле слышно возразил мертвяк.

Невнятная судорога на мгновение всколыхнула тяжелое, обвисшее на капроновом фале тело мертвяка.

– Ишь, ты, паскудник! «Живой!». – совсем рассердился Груня, лихорадочно прикидывая, притворяется мужик или все-таки правда потихоньку приходит в себя от его прикосновений. Но было видно, что в любом случае мертвяк с веревки не сорвется. – Я тебя не привязывал!.. Ишь какой!.. Известное дело!.. Я тебя развяжу, а ты сразу в драку!..

– Раз... вя... жи... – еще раз по слогам выговорил мертвяк.

Он будто впервые слова учил.

Но сил у него не было.

Он даже головы не поднял.

Груня огляделся.

Ну, дела!..

Теплое утро.

Зеленая трава.

Тугой бумажник в кармане.

Если действительно развязать такого упрямого мертвяка, он на этом не остановится. Сперва его развяжи, потом ему отдай бумажник! Не без этого. А на кой мертвяку бумажник? Это ему, Груне, некуда податься без бумажника. Без такого тугого бумажника Груне и сегодня придется ночевать в каком-нибудь сквере или в подвале. Без бумажника ему никто и пожрать не даст. С Колькой-недопыркой он, например, подрался. И возле «Альтернативных напитков» бомжи на Груню обозлены. Точно, никто не даст ему сегодня пожрать. Он даже выпить не сможет без такого тугого бумажника. А ему надо выпить. Ему сегодня обязательно надо выпить. Хотя бы настойки пустырника. Или вредной «луковки». У него же потрясение! Как не выпить после такого потрясения?

– Раз... вя... жи...

Еще раз оглянувшись, Груня нерешительно отступил.

Он уже понял, что во внутреннем правом кармане лже-мертвяка ничего ценного нет... Скорее всего, нет... Груня вдруг как-то сразу смирился с этой обидной мыслью.

– Стрелять не будешь? – спросил он строго.

– Не... бу... ду...

– Тогда, значит, так... – раздумчиво пояснил Груня, очень сильно чувствуя свою ответственность за судьбу тугого бумажника. – Ты, значит, давай не шуми... Я таких, как ты, знаю... Зачем тебе шуметь?.. Ты начнешь шуметь, тебя люди услышат... А люди, они разные... Сам, наверное, знаешь... Набегут... То да се... Начнут разбираться... Не без этого... Точно, набегут... Так что, ты не шуми...

– До... ве... ди...

– Кого доведи? – не понял Груня.

– До... ро... ги...

– Вот выдумал!.. – по-настоящему испугался Груня. – «До дороги...». Сам доплзешь. Разболтался!.. Тут недалеко до дороги. Я тебя не потащу... Вон на тебе кровь, я телогрейку испорчу... Зачем мне тебя тащить? Тебе-то хорошо. Тебя-то просто отправят куда-нибудь в чистенькую больницу, доктора будут тебя лечить, а меня... Сам подумай, куда отправят меня?.. На нары! Вот!.. Ишь, паскудник, чего захотел!.. Я же не ты. Мне сразу скажут, что это я довел тебя до такой смерти. Понял?.. Обязательно скажут... Мне мотать надо отсюда, ноги делать... И поскорей... Правильно я говорю?.. Эй, слышь! Правильно я говорю? Чего молчишь? Чего замолчал? Помер, что ли?

Человек не ответил.

– Эй!.. – еще раз негромко окликнул Груня.

Он даже пригнулся и снизу заглянул в бледное, низко опущенное лицо человека.

Бледное незнакомое лицо.

Не было в нем жизни.

– Ты это... Ты отдохни... – теперь уже совсем по-настоящему испугался Груня. – У меня же нет ничего... Даже ножа... Как тебя развяжу?.. Ногтями, что ли?.. Я теперь это... Мне теперь развязывать тебя время нет... Ты давай отдохни пока... А я, значит, сбегаю...

И вдруг обиделся.

Ну, что за жизнь?

То червонец отнимут, то мертвяк-паскуда не вовремя встретится.

– Ты это... – уже более твердо, как бы успокаиваясь от неожиданной обиды, проговорил Груня. – Бог терпел и нам велел... Ты терпел, еще потерпи... Не я тебя привязал... Потерпи... Найдут тебя... Скоро найдут... Тут люди ходят... Часто ходят... А я чего?.. Я уйду, тебя и найдут... Тепло, не простудишься... Вон как тепло... Лето... Если и не сразу найдут, ты потерпи...

Человек не ответил.

– Ну, вот и хорошо... – понимающе покивал Груня. – Ну, вот и правильно... А то, в самом деле... Разболтался, как не знаю кто...

И повторил для убедительности:

– Сейчас тепло... Не простудишься...

И подумал про себя: это, конечно, нехорошо, что паскуда-мертвяк с ним, с Груней, заговорил. Плохая примета. Можно даже сказать, нехорошая. Люди вот набегут, заинтересуются, а рядом с мертвяком я... Нет, ну его! Уходить надо отсюда. Плохая примета.

Озираясь, матерясь, сплевывая, отсмаркиваясь, правда, пользуясь теперь при этом платком, Груня обходным путем по самому краю грязного сырого болотца выбрался к дороге. Увесистый бумажник во внутреннем кармане телогрейки приятно давил на грудь.

Никаких машин на дороге.

Придется полкилометра пилить пешком, сплюнул Груня. Где-то там автобусная остановка.

И покачал головой: не повезло мертвяку... Место тут глухое, тухлое... Даже грибники сюда не ходят... Если и найдут мертвяка, подумал Груня, не жилец он... Пролом свода черепа...

Других терминов на эту тему Груня не знал.

Но пруха! – задохнулся Груня.

Настоящая пруха!

Всей своей тощей грудью он чувствовал под телогрейкой тугой бумажник. Деньги он, понятно, выщиплет, а бумажник выбросит. Не нужен ему такой богатый бумажник. Не привык он к чужим богатым вещам. С таким богатым чужим бумажником запросто могут замести. Первым делом надо избавиться от бумажника! Но не здесь. В городе.

Груня задохнулся от радостных предчувствий.

Было время, когда у Груни была семья и квартира. Было время, когда у него было нормальное имя. Мужское, кстати. Совсем не Груня. Было время, когда у него была работа. Сидел спокойненько в ЖЭУ, забивал козла с такими же мастерами, как сам, собирал вызовы, а потом так же спокойненько обслуживал жильцов. У него хорошая работа была. Чистая. Не сантехника, где приходится возиться с ржавым железом, а электроприборы.

Не хухры-мухры!

Но жена ушла. Квартира исчезла.

Все растаяло в прошлом.

Как не было...

Да и не вспоминалось.

И кореша никогда ни о чем таком не напоминали.

Святое дело у бомжей – не напоминать ни о чем таком. Если вспомнится что-то человеку, он сам расскажет, а специально напоминать зачем? Пусть жизнь для человека будет, как дивная

книжка с картинками. На одной картинке жена, на другой домик и огород... Может, еще что-нибудь... Лежи, вспоминай... Но сам... Напоминать об этом не надо...

С чего это мертвяк заговорил? – поежился Груня. Вот тоже паскудник. Стоял себе стоя и молчал, а потом вдруг заговорил. Нехорошо. Раз уж помираешь, помирай молча. Тоже мне мода, пугать людей.

Вокруг мертвяка, наверное, шум будет, смутно догадался Груня. Когда этого мертвяка найдут, наверное, большой шум поднимется. Молодой мертвяк. Красивый. Волосы на лоб, не лысый. Одежка хорошая. Вот только кровь на затылке... И не сам же он привязался к дереву... Здоровый мертвяк... Такого откачать, он сразу спросит: где мой бумажник?..

Не без этого.

Груня хмыкнул.

Да ну, шум!.. Какой шум?.. Это ж ежу понятно... Ну, пропал бумажник... Так ясный хрен... Кто привязал мертвяка к дереву, тот и бумажник увел...

Паскуды! – обиделся Груня.

Паскуды, паскуды и паскуды.

Паскуда на паскуде.

Город паскуд.

Кто-то, значит, привязал мертвяка к дереву, а подумают на меня! Пролом свода черепа!

Да нет, найдут, найдут этих уродов, вдруг сладко пронзило Груню. Найдут паскуд и уродов. Заметут. Загонят на нары. Строжиться будут над ними, где, мол, тугой бумажник? А тугой бумажник-то вот он!..

До автобусной остановки Груня дошел пешком.

На остановке оказалось много людей, но это Груню только обрадовало. Бедный человек в толпе неприметен. Ну стою я в телогрейке, подумал он. Хороший человек, никого не трогаю, даже ничего не прошу. Совсем хороший. Кому до меня какое дело?

Трясаясь на задней площадке, не отвечая на домогательства кондукторши расплатиться, Груня смотрел в грязное окно и думал. Ну, подумаешь, выгонят из автобуса. В другой сяду. Из другого выгонят, пешком пойду. Мне теперь прямо в центр. У меня теперь жизнь новая. А что от телогрейки пахнет, так это хорошо. Ближе не сунутся. От кого нынче не пахнет? К кому ни принохайся, от каждого пахнет чем-то.

Доберусь до центра.

А там...

Во-первых, в центре, подальше от лесополосы, он, Груня, где-нибудь в укромном местечке сразу избавится от тугого бумажника, а денежки, если они есть, аккуратно рассует по карманам телогрейки и штанов... Не забыть бы, левый карман штанов дырявый... Бутылку и то можно выронить... Ну и, само собой, во-вторых, он сразу пойдет к «Альтернативным напиткам»... Ну и что, что он сам там недавно затеял свару? Разберемся... Вокруг «Альтернативных» много разных бомжей... Хоть с кем-то, но замирюсь... Не без этого... Может, встречу и Кольку-Недопырку... Помиримся... Поговорим за жизнь...

С Колькой-Недопыркой интересно говорить за жизнь.

Ходят слухи, что Колька-Недопырка в бомжи пробился из бывших научных сотрудников.

Правда, сейчас Колька грубый.

Не знаю, какой он был раньше, подумал Груня, но сейчас Колька грубый.

Это, наверное, от того, что кантуется Колька-Недопырка в основном возле железнодорожного вокзала.

Но крепкий мужик.

Самый, можно сказать, работающий бомж. Он даже деньги требует не так, как все. Никогда не унижается. У него это дело поставлено на научную основу. Он не выпрашивает, он не бьет на жалость. Он требует. Он даже газеты читает и всегда знает, на что надо требовать

деньги. У вокзала всегда валяется много газет. Колька-Недопырка сразу отыскивает в газетах самое главное событие. А после требует. Ну там, скажем, на поминки генерала Дудаева. Или на вечеринку в честь налоговой службы. Или на цветы для министра Лившица, который честно призывает всех людей делиться друг с другом доходами. Иногда даже менты подходят послушать умного бомжа. Даже цыгане, случалось, заслушивались. Ну, а заработав, Колька-Недопырка, понятно, идет не в ресторан «Созвездие рыб». В «Созвездие рыб» даже Кольку-Недопырку, несмотря на грамоту, не пустят. Нет, не в «Созвездие рыб» идет, заработав свое, Колька-Недопырка. Идет он туда, куда все идут. К киоску «Альтернативные напитки».

Значит, и мне туда.

У Кольки-Недопырки не голова, а дом Советов, подумал Груня уважительно. Умен, паскудник. Про бумажник я Кольке, конечно, ничего не скажу, но бутылочку мы с ним возьмем. Одну, зато на двоих. И раздавим вместе. И никого не подпустим. Жалко, у меня нет никаких документов, а то мы запросто могли бы ночь провести в ночлежке.

Да какая ночлежка!.. – с уважением подумал Груня. Это только так говорят – ночлежка... А на самом деле у ночлежки есть настоящее название... Дом ночного пребывания областного управления социальной защиты и поддержки населения... Вот как... Не хухры-мухры!

В сквере перед оперным театром Груня незаметно пробрался в свой дальний излюбленный уголок под густые кусты сирени.

Хорошее место.

Тихое.

Лежи, отдыхай. Никто тебя не видит. Зато ты издалека увидишь ноги любого человека, которому придет в голову углубиться вглубь сквера.

Оглянувшись, не следит ли за ним кто? и хорошо ли укрывают его кусты? и вообще, надежное ли он выбрал место? Груня, наконец, вынул из кармана телогрейки бумажник.

Увиденное его ошеломило.

Денег у него теперь действительно было навалом.

Правда, все деньги оказались не русскими.

Доллары это были.

Груня уже видел доллары.

Однажды бомж Иванов, один из тех, которые не братья, обчистил возле гостиницы «Новосибирск» богатого иностранного пьяного гостя города, решившего посмотреть на неизвестную ему сибирскую ночную жизнь. Черт знает, что это был за гость-паскуда, но Иванов распорядился долларами как-то неудачно – схлопотал два года и провел их где-то под Читой.

Груня даже обиделся на мертвяка.

«Развяжи!.. Развяжи!..». Вот паскудник!.. А в кармане ни рубля... Кто ж знал, что у тебя, паскудник, одни только доллары?.. Может, ты шпион!.. Полный бумажник долларов!..

Груня не поленился пересчитать.

У него получилось – семь тысяч тридцать два доллара!

Когда однажды Кольке-Недопырке возле железнодорожного вокзала какие-то не очень жадные гости города бросили прямо в шапку долларовый червонец, они с Груней здорово нажрались на ту выручку, обменяв доллары на рубли с помощью какого-то культурного человека в очках в «Интуристе». Даже очень здорово нажрались. Культурный человек, понятно, взял себе свою некоторую долю, но и им хватило.

А тут...

Еще раз внимательно пересчитав доллары, Груня извлек из бумажника документы.

Вот тебе и пролом свода черепа, испугался он.

Первой в его руки попала красного цвета книжечка.

«Служебное удостоверение АС № 012».

И тут же цветная фотография мертвяка, аккуратно загнанная под прозрачный пластик.
И тут же двуглавый орел.
И слова, набранные крупными буквами. Чтобы, значит, сразу ударяло по мозгам.

«Российская Федерация.

Комиссия содействия правоохрнительным органам по борьбе с организованной преступностью и коррупцией».

А над круглой печатью точный и четкий текст.

*«Полковник Зимин Евгений Александрович.
Заместитель председателя комиссии».*

И дальше мелкими буквами.

«Владельцу удостоверения разрешено хранение и ношение оружия».

Не хухры-мухры! – испугался Груня.

И подумал с гордостью: вот какой теперь солидный у меня документ. Вот какая пошла пруха. Я теперь, выходит, не просто так. Я теперь полковник. И имя мне – Зимин Евгений Александрович. Не какой-то там сраный бомж Груня в обшарпанной, тысячу раз испачканной телогрейке, которой побрезговали даже пропотелые паскуды-подружки Олигофрена, а вот именно Евгений Александрович Зимин, полковник. Даже имею право на хранение и ношение оружия.

И подумал: «Вот Колька-Недопырка здорово удивится!»

Колька-Недопырка мужик ушлый. Но и Кольку-Недопырку затрясет, когда он вдруг узнает, что подрался сегодня не с каким-то там сраным бомжом Груней, а с самым настоящим внедренным в среду бомжей полковником Зиминим Евгением Александровичем.

С такой ксивой, решил Груня, меня теперь менты будут бояться. С такими документами я запросто могу ходить в ночлежку. Не лупень какой-то, не придурок-паскуда Олигофрен, а настоящий полковник!

Борьба с организованной преступностью и коррупцией.

Не хухры-мухры.

Всех замету!

Хватит ночевать на задворках и в подъездах.

Пруха пошла.

Большая настоящая пруха.

Можно теперь пожрать-попить.

Необычное ощущение силы, необычное ощущение резко изменившейся жизни было настолько сильным и осветляющим, что Груня весело выругался, очень шумно, никого не стеснясь, высморкался в красивый носовой платок, отобранный у мертвяка в лесополосе, и выполз, наконец, как жук-скарабей, из-под колючих кустов сирени. На безлюдной боковой дорожке сквера он заботливо отряхнул от прилипших к ней листьев свою не очень чистую телогрейку, в кармане которой лежало семь тысяч тридцать два доллара, от прилипших к ней листьев, и без всякого страха, а наоборот с некоторой даже снисходительностью остановил первого вышедшего ему навстречу культурного человека.

Культурный человек показался Груне солидным. Среднего роста, в темном костюмчике, с острой бородой клинышком, даже при портфеле и в очках с золотой оправой.

Груню покорили именно портфель и золотая оправка.

– Эй!.. – хрипло, но все с той же внезапно приобретенной им снисходительностью окликнул Груня очкастого, стараясь дышать несколько в сторону, чтобы не обидеть культурного человека.

– Чего тебе?

– Эй, слышь... Разменяй денежку...

– А ты покажи. Ты сперва покажи денежку, – с обидной недоверчивостью, но требовательно ответил культурный человек.

Груня показал пятидесятидолларовую купюру.

Надо было, конечно, показать культурному человеку в очках и с портфелем купюру меньшего достоинства, но Грунины пальцы из кармана телогрейки почему-то извлекли именно эту.

Культурный человек изумленно потряс острой бородкой. Изумленно блеснула на солнце золотая оправка очков. Культурный человек близко поднес купюру к очкам, чуть ли не обнюхал пятидесятидолларовую купюру, а потом негромко, но все так же требовательно спросил:

– Откуда баксы?

– Какие баксы?

– А вот! – потряс купюрой очкастый.

– Нашел...

– Ну, так бы и сказал, – облегченно вздохнул культурный человек и неторопливо спрятал купюру в карман. – То-то, думаю... Подозрительная бумажка... С первого взгляда видно, что фальшивая... Подводишь, друг... Я с бумажкой в банк, а меня за жопу!..

И строго блеснул очками.

– Сам ты фальшивый... Дай обратно!.. – обиделся Груня.

Культурный человек нехорошо рассмеялся, потряс, как козел, острой бородкой и, сверкнув на солнце золотой оправкой очков, весело кивнул в сторону прогуливавшегося под каменными мутантами милиционера:

– А вон мент. Видишь? Иди и пожалуйся менту. Он для того и стоит под мутантами, чтобы выслушивать жалобы от таких, как ты. Правда? А заодно объясни менту, где это ты нашел такую бумажку?

И еще раз строго сверкнув золотой оправкой очков, неторопливо двинулся по тихой аллее.

Даже ни разу не оглянулся.

Груня ошеломленно прижал руки к груди.

Вот связывайся с культурными!

Глава IV Бизнес-вумен

3 июля, Новосибирск

Валентин проснулся.

Он привык к частым переездам с места на места. Какие-то квартиры он помнил подолгу, какие-то забывал сразу.

В этой он был впервые.

Приехав утром из аэропорта, он бросил вещи прямо в прихожей, точнее, в длинном коридоре, даже чрезмерно длинном, странная планировка, на его взгляд, потом принял душ и сразу лег спать. Из чужой сумки, которую ему из аэропорта пришлось тащить с собой в квартиру Куделькина-младшего, торчал коротенький хвостик антенны радиотелефона. Валентин был совершенно уверен, что по законам свинства хозяин радиотелефона непременно объявится и обязательно выдернет его из сна уже где-нибудь через полчаса и заранее злился на странного соседа по самолету, уже доставившего ему множество неудобств в аэропорту и, несомненно, готовящего ему новые неудобства.

Где-то за стеной прерывисто, короткими очередями, затрещала водопроводная труба.

Как пистолет-пулемет Вальтера, автоматически отметил Валентин. Автоматика Вальтера работает на принципе замедленной отдачи затвора, отсюда и этот легко улавливаемый интервал между выстрелами. Здесь с тем же интервалом отдавала труба.

В такт трубе громыхнул лифт. Кажется, шахта лифта чуть ли не примыкала к стене кухни.

Чужие звуки.

Они настораживали.

Так настораживает, вспомнил Валентин, густая душная тишина казармы за секунду до побудки. Ничего еще не произошло, просто где-то на пустом плаце споткнулся разводящий или где-то на кухне дежурный случайно громыхнул черпаком... Самые безопасные, ничем не грозящие звуки... Ничего еще не произошло, но понимаешь, что сну конец...

Прежде, чем пройти в ванную, Валентин распахнул дверь и вышел на балкон.

Высокое летнее, заброшенное мелкими облачками, небо.

Солнце, тусклое от летней утренней дымки.

Теплый воздух, нежно пронизанный внутренним сиянием и почти неуловимыми тенями.

Для такого высокого, летнего, пусть даже слегка заволоченного нежной утренней дымкой неба город с балкона выглядел вызывающе плоским. По крайней мере, он ничем не напомнил Валентину те города, в которых ему пришлось побывать за последние пять лет. Он не напомнил ему даже Москву, хотя театр оперы, несомненно, внушал уважение своим чудовищно серым, чудовищно тяжелым рифленным куполом, подпирающим высокое небо.

Валентин опустил глаза.

Сразу под колоннадой театра начинался сквер.

Сквер тянулся до самой площади, где за нежными лапами темных, все еще сохраняющих в себе частицу ночи елей поблескивало под солнцем некое отшлифованное ветрами и дождями свободное розоватое гранитное пространство, занятое абсолютно стандартными, а от того неуловимо мрачноватыми бетонными фигурами рабочих и крестьян. Кто-то из них был с винтовкой. Что держали другие, сверху разобрать было трудно. Впрочем, от фигур исходило такое угрюмое не любопытство, что не возникало особого желания рассмотреть их подробней.

От всего этого само розоватое гранитное пространство выглядело гораздо веселей, чем бетонные фигуры.

Всю бетонную композицию Валентин не мог подробно разглядеть еще и из-за темных елей, перекрывающих вид. Кстати, еще рано утром он услышал от таксиста, что в Новосибирске центральную группу бетонных скульптур, возглавляемых вождем революции, местный люд называет мутантами.

«Улица Орджоникидзе? Еще бы! Знаю!.. – кивнул в Толмачево таксист, услышав от Валентина адрес. – Это рядом с мутантами».

И Джон Куделькин-старший в Москве, проводив Валентина во Внуково, выразился примерно так.

«В Толмачево сразу бери такси, – так выразился Джон, – и сразу дуй в центр города. Дуй прямо до мутантов. Так и скажи таксисту – мне, мол, к мутантам. В Новосибирске это звучит как у нас – дотряси до бороды. Юрка в Новосибирске живет рядом с мутантами».

И пояснил:

«Мутанты это скульптуры. Ну, даже не скульптуры, а, скажем так, целое стадо скульптур. Целая толпа, боевой строй, каменный лес, бетонная композиция, – последние годы Джон Куделькин-старший полюбил говорить красиво. – В Новосибирске жить рядом с мутантами почетно. Это почти как у нас – рядом с Кремлем».

И похвастался:

«Юрка у меня теперь большой человек. Было время, не скрою, расстроил отца, служил в органах. Сам знаешь, с взрослыми детьми не поспоришь... Но теперь, Валька, так скажу, одумался Юрка, пошел в рост. Службу в органах бросил, подал рапорт, устроился в большую компьютерную фирму. Условия – любой позавидует. Не то, что мы с тобой, Валька. Росли, не зная, кто мы есть на самом деле... Ну, чемпионы... Сейчас уже бывшие... Всю жизнь в чемпионах не усидишь... Нужно еще что-то. Сам знаешь, что нужно... Не усидишь в чемпионах... Вот и получается, что я теперь просто мясник с рынка. Мелкий торгош. А кто теперь ты, я даже и не знаю. Раньше знал – бывший чемпион, хороший парень, местный житель села Лодыгино, а теперь не знаю... А вот Юрка вырос. Юрка у меня человек. У него теперь и деньги, и положение. Правда, жены нет. Но это поправимо. В его годы это вполне поправимо. Куда денется?... У моего Юрки, – с каким-то особенным значением похвастался Куделькин-старший, – везде чисто. Понял? И позади, и впереди чисто. Совсем не так, как у нас с тобой... И вообще, так тебе скажу Валька, мой Юрка умеет играть по правилам...».

По правилам.

Валентин усмехнулся.

Не знаю, как там получается у Куделькина-младшего, подумал он, а у меня как-то не очень выходило играть по правилам... Ну, разве что на борцовском ковре... Но это спорт... Там нельзя иначе...

И вздохнул.

Ну все это к черту! Когда это было?..

Прилетев в Москву Валентин первым делом собирался съездить в Лодыгино, но Джон Куделькин-старший твердо заявил:

«А вот этого не надо».

«Почему?»

«А вот не надо. Нечего тебе делать в Лодыгино. – Джон говорил очень серьезно. – Считай, ты у нас теперь как помещик, у которого сожгли поместье... А чего ты хочешь? У нас революция за революцией, – усмехнулся Куделькин-старший явному недоумению Валентина. Огромный, еще больше расплывшийся за последние пять лет добрый Джон, старый Джон, бывший профессиональный борец. – У нас тут много чего произошло. Рассказать, не поверишь. Ты, Валька, сперва присмотришь, что да как, да какие теперь люди, а уж потом начинай набегать».

На кой сейчас сдалось тебе это Лодыгино? Твои бывшие соседи давно считают, что тебя то ли подстрелили не по делу, то ли посадили по делу. Им ведь один черт, что там с тобой случилось. Ходят всякие такие слушки. Потому и домик твой сожгли... Так сказать, для пушного интереса и порядка».

Джон внимательно посмотрел на Валентина:

«А ты чего хотел? Тебя лет пять не было, Валька. Да?.. Ни в Москве не было, ни в Лодыгино... А у нас люди простые, сам знаешь. Они долго терпеть не любят. Им определенность нужна. Герой так герой. Вражина так вражина. А ты теперь непонятно кто... Твой домик в Лодыгино, он ведь пустовал. Он торчал для многих бревном в глазу. Логика тут простая, – ухмыльнулся Джон. – Вот есть хорошая вещь, но не твоя. А раз не твоя, раз нельзя прибрать к рукам хорошую чужую вещь, давай сожжем ее к такой матери!»

«Шат ап!»

«Вот именно, – не понял французского ругательства, но подтвердил правоту Валентина Джон Куделькин-старший. – Так что, забудь на время про Лодыгино. Земля никуда не денется. Придет время, вернешь землю. Но сам сейчас пока никуда не езд. Особенно в Лодыгино. Если ты туда приедешь, сам понимаешь, начнутся расспросы. Где был? Да что делал? Да чего у тебя вид такой?.. Ты пока, Валька, оставайся в Москве. С работой сейчас нет проблем. Это все только жалуются, что не могут найти работу. На самом деле, попросту не хотят работать. Тебе, если хочешь, я в несколько дней найду хорошее дело в самом лучшем, в самом выгодном мясном ряду на самом лучшем рынке. А хочешь, устрою в охрану?.. Не думай, это не так просто, как ты думаешь... – наклонил Джон круглую голову, перехватив полуулыбку Валентина. – А если хочешь знать, то совсем, очень даже не просто. Но для тебя, Валька, сделаю. Для тебя, Валька, я все сделаю. Мы с тобой, считай, одну жизнь прожили».

И засмеялся:

«Но игроки сейчас другие... И играют по другим правилам...».

Похоже, Джон Куделькин-старший, никогда не отличавшийся особой склонностью к философствованию, со временем превратился в настоящего философа.

«Так что, плюнь на свое Лодыгино, – твердо повторил он. – Вот тебе ключ от Юркиной новосибирской квартиры. Не хочешь сиднем сидеть в Москве, слетай в Новосибирск. Отдохни у Юрки недельку. Запутай следы. Лодыгино это Лодыгино, черт с ним, но чует мое сердце, не стоит тебе светиться в Москве... Не знаю, Валька, чем ты занимался последние пять лет, где был, что делал, но чует мое сердце, не надо тебе в Москве светиться... Вот всей шкурой чувствую, что не надо... Заметил человечка в Шереметьево? – понизил Джон голос. – Ну вот... Даже я заметил... Так и прилип к нам тот человечек, так и ходил по пятам... Может, конечно, случайно ходил, может, узнал бывших чемпионов, бывают такие чудачки, но кто знает?.. Береженого Бог бережет... Слетай в Новосибирск... Юрка рад будет... Он в курсе. Я ему звонил. Сказал, что сам Кудима к тебе приедет!.. Юрка, конечно, удивился... Но ты, Валька, не обижайся. Удивился Юрка не потому, что ты приедешь, а потому, что твое прозвище в его голове не сразу сообразилось... А что ты хочешь? – укоризненно покачал головой Джон Куделькин-старший. – Время идет. Чемпионов забывают. У спортсменов слава короткая».

Джон удивленно моргнул:

«Точно говорю, Валька, слетай в Новосибирск. Там хорошо. Там сейчас лето. Позагораешь на Обском море, отдохнешь на даче. У Юрки дача. Настоящая. Повалеешься на веранде на мягком диване. Почитаешь газеты, помотришь в ящик. Может, сходишь по грибы. Грибы, скажу тебе, в Сибири лучше лодыгинских. Крупней. Красивее. Так Юрка говорит... Да я и сам видел... Ну и... – Куделькин-старший замялся, отвернул глаза в сторону. – Ну и... Осмотришься, так сказать. Попривыкнешь. Вот всей шкурой чувствую, что надо тебе осмотреться и попривыкнуть. А то ты какой-то не такой... Станный... В магазине лезешь в карман за франками... И паспорт у тебя не совсем того...».

«Как это не того? – хмыкнул Валентин. – Нормальный паспорт. Я его не сам делал».

«Да если и сам... Дело не в этом... Паспорт нормальный... Дело в записях... Вот именно, в записях! – не выдержал Джон. – Сам понимаешь, я ведь знаю тебя как облупленного. Знаю как Вальку Кудимова. Знаю как непобедимого чемпиона Кудиму. И другие люди помнят тебя кто Валькой, кто Кудимой, кто Валентином Борисычем... А ты исчез неизвестно куда на пять лет и вернулся почему-то через Шереметьево... И паспорт теперь у тебя не русский...».

Джон вздохнул:

«Как это ты французом заделался?»

«Долгая история».

«Расскажешь?»

«Может быть...». – неохотно кивнул Валентин.

И засмеялся:

«Ты зря, Джон. Паспорт у меня нормальный. Ни один контрольный пункт не придется».

«А кто спорит?.. – недовольно хмыкнул Джон Куделькин-старший. Он хорошо знал упрямство Валентина. – Только, Валька, так скажу, не те сейчас времена... Прежде чем шевелить мозгами, прежде, чем делать какие-то резкие телодвижения, осматривайся. Внимательно осматривайся. Неровен час, чего недоглядишь... Я тебе добра желаю... И уж ни в коем случае не надо тебе ездить в Лодыгино... И не надо вот так сразу маячить в Москве... Ну сам подумай... Узнают тебя, остановят, спросят паспорт, а ты им с этой со своей русской рожой предъявишь французскую книжицу?.. Посмотрят на тебя и скажут: какой это к такой-то матери француз Морис Дюфи? Что это за такой Морис Дюфи? Почему у этого Мориса Дюфи морда Вальки Кудимы?..».

Куделькин-старший выпятил толстую губу и даже сплюнул от плохо скрываемого негодования:

«Морис Дюфи! Тоже мне! Какой на хер Морис Дюфи? Тебя, Валька, вся страна знает как Кудиму!.. Это мне простительно, у меня родители надурили, назвали сыночка Джоном. Только ты вдумайся! По паспорту я все равно Иван. И сын у меня не Джоныч, а Иваныч... Ты прислушайся... Не Джоныч он у меня, а Иваныч... Именно так... Иваныч...».

И опять сплюнул:

«Морис Дюфи! Не мог придумать другую фамилию!»

«Не я ее придумывал, Джон».

«Вот я и говорю, Валька, – опасно ткнул Валентина локтем Куделькин-старший. – Не толкайся ты по Москве. И в Лодыгино сейчас не надо ездить. Что тебе в Лодыгино?.. Золу разгрести?.. Ты не ленись, подумай. Ты покрути головой. Тебе осмотреться надо».

«Ладно, покручу, – усмехнулся Валентин. – Ты не суетись. Надо, так и к твоему Юрке слетаю. Какие проблемы? Почему не слетать?»

И спросил:

«Слышь, Джон... А о Тоне ты знаешь что-нибудь?»

«Лучше б не знал... – недовольно скривился Джон. – Та еще была комсомолочка!.. У меня, Валька, если честно, штучки Николая Петровича до сих пор сидят в печенках...».

«Я не об этом, – усмехнулся Валентин. – Я не о Николае Петровиче... Я о Тоне... Не знаешь? Как у нее сладилось?»

Джон опять скривился:

«Сладилось? Да никак не сладилось!.. Ты что, Валька? Какое сладилось? Пять лет прошло с тех пор, как ты исчез. А у нас нынче год за три идет».

И напомнил:

«Ты же с Тоней, считай, не пересекался лет семь, если не больше. А?.. Какого ж рожна?..».

«Адрес знаешь?»

Джон Куделькин-старший совсем помрачнел, положил тяжелые кулаки на стол, подвигал тяжелой челюстью:

«Узнаю тебя, Валька. Упрямый ты... Ну, истинный бык... Чего это тебя опять потянуло к Тоне? На старости-то лет?.. А?.. Или мало тебе показалось штучек Николая Петровича?..».

Валентин неопределенно пожал плечами.

«Ты бы лучше позабыл об этой комсомолочке, – мрачно покачал головой Куделькин-старший. – Выброси комсомолочку из головы. Кто она тебе? Не жена, не любовница».

«Ладно, диктуй телефон, – усмехнулся Валентин. – Записываю».

«Нет у нее телефона».

«Нет телефона?» – удивился Валентин.

«Да, так! Нет у нее телефона! – неожиданно грубо повторил Куделькин-старший. – По таким адресам телефонов не ставят».

«А что за адрес такой?»

«Митинское кладбище, – отрубил Джон. – Шестая аллея, захоронение номер шестнадцать».

И помолчав, добавил:

«Там целый город, Валька... Там у нас теперь целые кварталы знакомых... Там, если побродить, Валька, ты встретишь не только Тоню... Да и как иначе?.. В нашем возрасте, Валька, считай, половина наших знакомых прописана по таким адресам... Ну, не половина, так треть...».

Переспрашивать адрес Валентин не стал.

Трудно не запомнить такой простой адрес.

И, конечно, побывал на Митинском кладбище.

Тишина.

Птиц крики.

Дымка...

Тот день выдался в дымке. Такой тусклый, невеселый, невольно наводящий на раздумья день.

Или нет?..

Да нет, конечно...

День, когда Валентин ездил на Митинское кладбище, наоборот выдался ясный, солнечный. Это на душе дожило и все казалось пасмурным. А на самом деле ясный стоял день.

Впрочем, какая разница?

Джон прав.

Тоня действительно была комсомолочка.

Та еще комсомолочка!

Николай Петрович, бывший куратор сборной от КГБ, не случайно называл Тоню своей служебной шлюхой. Не скрываясь, вслух называл. По крайней мере, Валентину он так и говорил – шлюха.

Шлюха не шлюха, но, кажется, вышел срок.

Подробно расспрашивать Куделькина-старшего о Тоне и о Николае Петровиче Валентин не стал.

Зачем? Какое ему дело до всей этой шушеры? Какое ему дело до Москвы, или до Лодыгино, или до Новосибирска? Нехорошо догадываться о том, о чем другие не хотят говорить. Чудес не бывает. Ему, Валентину, просто повезло. Сам мог лежать на кладбище. И не один раз. Так случилось, что ему повезло. Николай Петрович на кладбище. Тоня на кладбище. Еще много кто переселился на кладбище. Оно ведь всех принимает – левых и правых, чистых и нечистых. А он вот, бывший чемпион Кудима, не только выжил, но даже заработал себе новое

имя... И даже заработал право жить там, где ему хочется... Именно ему, а не какому-нибудь там Николаю Петровичу или высшему начальству...

Слетать в Новосибирск?

Почему нет?

Раз Джон просит, значит, надо слетать. В Москве, пожалуй, и впрямь не надо пока торчать. В Москве он не устоит. Будет по делу и не по делу таскаться на Митинское кладбище, пока его не заметят какие-нибудь внимательные люди. Такое бывает.

Да и что ему, собственно говоря, до Тони мертвой, если она живая ушла от него?

Не ушла, хмуρο поправил он себя.

Отняли ее.

Оттолкнули.

Ну, отняли... Ну, оттолкнули... Может быть... Только не захоти этого сама Тоня, никто бы и не отнял, и не оттолкнул...

Еще раз хмуρο глянув на ели, Валентин побрел в ванную.

Нашел чистое полотенце, выложил на стеклянную полочку настенного зеркала крем и опасную бритву, уже сильно сточенную за годы, подарок отца. Бреясь, поглядывая в зеркало, отметил про себя машинально: а Юрка Куделькин-младший устроился неплохо... Ванная выложена очень приличной финской плиткой... В комнатах на полах не такие уж дешевые ковры... Опять же, видеоаппаратура... Не слабая мягкая мебель прямо от «Бош»... Просторная спальня... Ну, и, наконец, местоположение... Центр города...

Юрка теперь работает на какую-то фирму, вспомнил Валентин.

Кажется, на компьютерную.

Джон так и сказал: учти, Валька, ты летишь не только на прогулку, ты летишь по делу. Юрка сейчас большой человек, получает нормальные гонорары. Привезешь мне кое-что от него. А тебе, Валька, за то полагаются нормальные командировочные. Не вздумай отказываться. Тебя не поймут. Цены у нас на все не малые. Сейчас за просто так никто ничего не делает. Даже не открывай рот. Будто деньги тебе не пригодятся! Еще как пригодятся! Не знаю, чем ты зарабатывал последние пять лет, но деньги пригодятся.

Кто спорит?

Побрившись, Валентин принял душ.

Наверное, еда не была культом для Куделькина-младшего.

В холодильнике, куда заглянул Валентин, было пусто. Правда, перемерзшая, похожая на белую пушистую гусеницу, сосиска оказалась хорошего качества, а вместо молока стоял открытый тетрапак сливок.

Прокисли сливки.

Из последнего Валентин заключил, что дома Куделькин-младший не появлялся пару дней, не меньше.

Сварив кофе, Валентин удобно устроился в кресле перед телевизором.

Маленькими глотками он пил кофе и прислушивался к незнакомым шумам за стенами. Все вроде нормально, но что-то ему мешало.

Что? – пытался понять Валентин.

И вдруг, повернув голову, увидел брошенную под дверь большую синюю спортивную сумку.

Чужая сумка.

Ну да...

Отхлебнув кофе, пожал плечами.

Странный сосед оказался рядом с ним в самолете. Летели, не спали, разговаривали всю ночь. Сосед даже обещал подбросить до центра, в Толмачево его вроде бы должна была встре-

чать машина, а он исчез. Вот взял и исчез. Оставил спортивную сумку с торчащим из ее кармана радиотелефоном и исчез. Сказал, что отойдет на минутку, а сам больше не появился.

Черт с ним.

Найдется.

Номер собственного телефона, наверное, помнит.

Отоспится, опомнится, позвонит.

И заберет сумку.

Но вид у соседа по самолету был точно какой-то не такой... Ну, скажем так, озабоченный... Всю ночь проговорили, сосед свою сумку в ногах держал, даже в туалет ни разу не отлучался, договорились ехать вместе, а в порту так засуетился, что забыл про сумку.

Раздолбай.

Теперь жди звонка...

Все равно что-то томило Валентина. Что-то не давало ему спокойно допить кофе.

С сигаретой в губах он снова вышел на балкон и сразу услышал внизу шум.

Два милиционера с руганью гнались за проворными ребятами, которые только что обломили вершину одной из темных высоких елей, загораживающих вид на бетонных мутантов. Нелегкая работа. Прежде, чем обломить вершину, до нее надо было добраться. Потому, наверное, и злились милиционеры.

Не догонят, усмехнулся Валентин.

И оказался прав.

Ребятня с визгом разбежалась.

Милиционеры, ругаясь, ходили под елями. Наверное, подсчитывали вред, нанесенный муниципальному хозяйству.

Отрастет вершина, снова усмехнулся Валентин.

И потянулся.

Если вечером появится Куделькин-младший, а он появится, ходим в ресторан. Или в ночной бар. Должны же быть в Новосибирске всякие значные места. Посмотрим на ночную жизнь сибирского города. С этим теперь все просто. Значных мест много. В любом случае, решил Валентин, время у меня есть. До вечера времени у меня навалом. До вечера у меня прямо кошмарное количество свободного времени. Весь день! А это не мало даже для такого большого и неизвестного города, как Новосибирск.

Плеснув в чашку кофе, Валентин дотянулся левой рукой до пульта и включил телевизор.

– Поэтому мы и Запад, а заодно с ним и наши демократы, – сразу услышал он знакомый по московскому телевидению взвинченный голос большого либерал-демократа, – вкладываем разный смысл в понятия «права человека», «рыночная экономика», «конвергенция»...

Валентин попытался вслушаться.

– Западу нужна конвергенция – соединить их процветающую Европу с Россией как с сырьевым придатком. Ради этого Россией можно пожертвовать. Вот и уничтожается ее иммунная система – государство. Атака идет не только на Россию, – большой либерал-демократ все больше и больше взвинчивал голос. – Германия продвигается на юг – к Адриатике, через бывшую Югославию. Ведь война в Югославии это не просто война. Там решаются проблемы геополитического характера. И это надо понимать. У нас не понимают. Поэтому МИД России и занимает проамериканские позиции...

Неужели? – удивился Валентин.

Слушать большого либерал-демократа было интересно.

– Турки продвигаются на Кавказ и Балканы. Не забывайте, что в Болгарии полно турок. Восстанавливается Османская империя. Многим кажется, что я преувеличиваю. Нам уже много раз говорили, что мы преувеличиваем. К сожалению, мы оказывались правы. И в вопросе о гонениях на русских, и в вопросах возможного развития событий на Кавказе, в

Средней Азии, развале СССР. Славянский мир искусственно сужают, взрывают. И он будет сужаться, пока англосаксы с Запада, китайцы с Востока, турки с Юга это пространство не займут. Разумеется, это будет не завтра. Многих это обстоятельство успокаивает. Конечно, в планетарном масштабе исчезновение русских не катастрофа. История знает подобные примеры. Но нам каково?..

Сильный вопрос.

В дело вступила ведущая, кудрявая девица, явно не понимавшая большого либерал-демократа.

– Владимир Вольфович, – спросила девица. – Преступность в стране растет, люди не чувствуют себя в безопасности, даже днем можно оказаться жертвой преступления или бандитских разборок. Что делать?

– Половина преступности в России связана с представителями южного ближнего зарубежья, – без раздумий, но с еще большей взвинченностью ответил большой либерал-демократ. – Здесь у нас они совершают преступления, а к себе, за свои границы, убегают от возмездия. Со мной так не будет. Или все республики превращаются в единое государство, и тогда, скажем, московский МУР будет спокойно ловить воров и убийц прямо в их логове, или все представители южных республик, не имевшие прописки в России до 1990 года, будут возвращены на свою историческую родину. Пусть там разбираются со своими националистами. Обратный въезд только по визе, полученной в российском консульстве. А мы еще на полгода ограничим въезд в Россию с юга...

Круто берет.

Валентину хотелось налить еще кофе, но для этого надо было встать и пройти в кухню.

– Демороссы мне говорят: «А как будет с правами человека?» Они, видите ли, обеспокоены неудобствами, которые будут причинены ворами и насильникам. Меня не интересует демороссовское понятие прав человека! – большой либерал-демократ гневно ударил кулаком по столу. – Мне надо, чтобы русские чувствовали, что сами они и их имущество в безопасности. Русским должно быть везде хорошо. Когда над русскими издеваются в российских городах, в той же Эстонии, то демороссы как-то и слова «права человека» забывают. Что же касается торговли в России, вести коммерческие дела можно будет только после получения специального разрешения. Опять говорят, что мы что-то нарушим. А вы попробуйте без визы съездить в Америку, во Францию. Ничего не получится. А торговать там чужому человеку тем более не позволят. Так будет и у нас. И с преступностью разберемся. Дадим нашим органам милиции больше прав, больше техники и разрешим расстреливать главарей банд прямо на месте преступления...

Круто, круто берет.

– Только главарей! – большой либерал-демократ снова ударил кулаком по столу. – Уверю вас, что реально и расстреливать никого не придется. Рассыпятся банды. Главарям не захочется, чтобы их выдали свои же. Рядовые члены банды побоятся, что каждый из них может оказаться жертвой предварительного сговора между главарями и другими членами банды. Исчезнут банды. Сами исчезнут. Конечно, до конца преступность не уничтожить, но сократить до терпимых размеров можно. Нужна только крепкая власть. И желание...

Может быть, подумал Валентин.

Крепкая власть и желание.

И вспомнил.

Примерно то же самое твердил ему странный сосед по самолету, оставивший в порту сумку.

Валентин встал и выключил телевизор.

«Исчезнут банды... Сами исчезнут...».

Звучит красиво.

Но не совсем понятно.

Все с тем же смутным беспокойством Валентин снова посмотрел на чужую спортивную сумку, брошенную в прихожей. Хорошо, если сосед по самолету действительно позвонит.

А если нет?

Ну, нет так нет, решил Валентин. Мне-то какое дело? Что мне теперь? Смотреть на сумку и мучиться? Какое мне дело до этого растяпы? Отдам сумку Куделькину-младшему, пусть он ею займется. В конце концов, я не нанимался разыскивать случайных попутчиков.

И почему-то вспомнил о Тоне.

Вот она, настоящая причина некоего внутреннего томления, даже беспокойства.

Неясного, но беспокойства.

Конечно, не чужая сумка, а Тоня.

Не какая-то там чужая сумка, а именно Тоня, давно потерянная Тоня была причиной смутной тревоги, смешанной с непонятной печалью и с каким-то необъяснимым раздражением.

Странно, подумал Валентин, что о Тоне я стал вспоминать именно в последний год.

Стоишь на часах, всматриваешься в тропический туман, вслушиваешься в непонятные шорохи.

Тоня...

Было время, когда он о Тоне и не вспоминал.

Как вылетела из памяти.

Потом Николай Петрович, паскуда, в Питере напомнил. Дескать, ты, Валентин Борисыч не хер собачий. Ты как-никак бывший чемпион СССР, бывший чемпион мира, мог олимпийским стать! Тебе же, мол, честно предлагали: ну, чего ты, Кудима, ну, при твоих-то данных? Да брось ты к черту, Кудима, глупую бабу, возьмишь, наконец, за ум! А хочешь спать с Тоней, тоже, какие проблемы? Да за ради Бога! Спи, никто не против. Хочешь, мы ей специальные дни для этого высвободим? Только не мешай Делу.

Ведь баба! Баба как баба. Такая, как все другие, – усмехался Николай Петрович. Вот только работает не на себя. Работает на Дело... Так что, выбирай, Валентин Борисыч, указанный день по графику и трахайся со своей Тоней. Только Делу не мешай, не сбивай глупую бабу с панталыку... Любовь!.. Придумал!.. Какая такая любовь? О чем ты, Валентин Борисыч? Нам эта баба нужна не для траханья, а для Дела. И ты бы, Валентин Борисыч, сам не задира нос, а лучше по-товарищески докладывал бы нам о настроениях в команде. Пользы от этого больше и шел бы всегда между нами человеческий разговор... Он, Николай Петрович, ведь не просто так этого требует. Его, Николая Петровича, народ поставил блюсти общие интересы, и он жестко блюдет общие народные интересы... У нас ведь народ простой, – усмехался Николай Петрович. Его от глупостей не удержишь, у него голова пойдет кругом, он много дров наломает...

Вот твоя шлюха, сказал пять лет назад в Питере Валентину Николай Петрович, она на нас работала честно, пока ты не появился. Ты нос не дери. Ты, Валентин Борисыч, даже не догадываешься, сколько за это время твоя Тоня сменила служебных имен. С нею ведь спали разные люди. Не ты один. И по делу спали, а не по твоей бычьей упрямой любви. С нею спали как с Каткой, как с Нинкой, как со Светкой. Она у нас была даже Жизелью. Ты представить себе не можешь, Валентин Борисыч, как нам нужны такие честные работающие служебные шлюхи с мечтательными невинными глазками. Мы же не чухней занимались. Мы разработкой иностранцев занимались, Валентин Борисыч, признался Николай Петрович пять лет назад в питерском крематории, когда самолично приговорил Валентина к смерти. Мы занимались крупными иностранцами, не всякой пузатой мелочью. Там миллиарды долларов светили стране! Миллиарды долларов! А тут ты!.. Хочешь ты этого или нет, но не светит тебе с Тоней. Никак не светит... Продавать оружие, Валентин Борисыч, это всегда выгодно. Для любой страны выгодно. Даже

для самой что ни на есть миролюбивой. И все у нас с помощью Тони хорошо налаживалось, а тут ты! Это ж надо, в шлюху влюбился!.. В служебную!..

Николай Петрович тогда, кажется, даже изумленно всплеснул руками.

Дескать, ну как так?.. Ведь все, Валентин Борисыч, можно было решить просто... Ты же наш человек, Валентин Борисыч, тебя бы мы не обидели!.. Любишь Тоню? Ну и люби на здоровье. Только будь добр, люби нашу служебную шлюху во внеслужебное время. А в служебное, извини, служебная шлюха должна спать с теми, под кого ее мы уложим... А то ведь что получается?.. Она, дура, должна спать с черножопыми, а в голове у нее чемпион Кудима!.. У нас срываются колоссальные поставки, а она думает о каком-то чемпионе Кудиме, который все, что может – это валять по ковру таких же упрямых быков, как он сам... Ты сам вдумайся!.. Это ж несоизмеримо. С одной стороны – ты и какая-то служебная шлюха! А с другой – вся страна!

«Вся страна...».

Ладно.

Похоже, Тоню спровадили на тот свет уже без Николая Петровича. Дата на могильной плите четкая – *ноябрь, 1995*. Николая Петровича к тому времени уже шлепнули в питерском морском порту.

Ладно, хмуро подумал.

Все!

Забудь о Тоне.

Тони нет и это, может, даже хорошо.

По крайней мере, тебя теперь уж точно ничто не держит в стране – ни комсомолка Тоня, попавшая на Митинское кладбище, ни выброшенный из окна гостиницы морпорта младший брат Серега, ни бедный домик, спаленный в Лодыгино, ни даже старый друг Джон Куделькин.

В самом деле.

Не подаваться же в мясники к Куделькину-старшему.

Все!

Валентин оделся, запер дверь и по узкой лестнице, не воспользовавшись лифтом, спустился в сумрачный двор, заставленный по одной стороне мусорными баками.

Пройдя под арку, он пересек улицу, оглянулся на ювелирный магазин и выбрал в сквере перед оперным свободную скамейку.

Уютный уголок.

День будний, людей не много.

Что делать людям будним летним днем перед оперным театром?

Нет, ходят люди.

Валентин поднял голову и уставился на подвыпившего бомжа в обшарпанной телогрейке.

Сутулый бомж, испитой. Плечи кривые, глаза мутноватые, но не запуганные, как у всех бомжей, а с какой-то странной самодовольной хитрецей. Какой-то необычный взгляд для опустившегося человека. Будто держит себя. Будто понимает себя. И уважает. Вот только жидкие грязные волосы на непокрытой голове жалко сбились на одну сторону.

Жарко.

Сейчас бомж попросит на опохмелку, решил Валентин. Сейчас бомж протянет приторно, а то и по-настоящему дрожащую руку и сумрачно попросит на опохмелку. Даже придумывать ничего не будет. Сил у него нет для придумок. «Подайте на опохмелку». И рука у бомжа трогательно дрогнет, как однажды трогательно дрогнула рука у капрала Тардые.

– Чего тебе?

– Эй, мужик, – с самодовольной хитрецей и с чуть угадывающейся опаской заявил бомж. – У меня тут завалялась бумажка... Хорошая бумажка, ты разменяй... Я ж имею понятие, у меня глаза есть. Я же вижу, ты человек интеллигентный и лицо у тебя доброе, не обма-

нешь. Я и сам такой, – самодовольно похвалился бомж. – Не лупень какой-то, не буки-козлики, не паскуда... Я ж вижу, что мы с тобой все равно произошли от одной обезьяны...

Валентин усмехнулся:

– Покажи.

– Эй, вот она... – бомж, оглянувшись, показал Валентину крепко зажатую в руке пятидесятидолларовую купюру. – Это мне один гость города подарил. Ну, сам знаешь... Богатый, не бедный гость. Не хухры-мухры. Теперь бы разменять... Будь человеком... Мы же с тобой от одной обезьяны...

– Откуда у тебя баксы?

– Эй, слышь? – все еще самодовольно, но уже и с оттенком некоего непонятого раздражения ответил бомж. – Зачем вопросы? Мы же не в планетарии. Я же ничего не прошу... Мне только бумажку разменять... Богатый иностранец подарил. Гость города. Их сейчас у нас много.

И вдруг рассердился, совсем как большой либерал-демократ:

– Разъездились, мать их! Разворовали Россию. Эй, слышь! С них какую бумажку ни слупи, все польза родине.

– Давай бумажку.

– Эй! Не обманешь?

– Не обману.

Аккуратно отсчитав двести тысяч, Валентин сунул деньги бомжу.

– Это сколько ж здесь? – с бомжа враз слетело самодовольство. Бумажки заворожили бомжа. Он явно растерялся.

– Двести тысяч, – усмехнулся Валентин. – Раз меняешь баксы, должен знать курс. Само собой, мне кой-какие проценты. Разве не так?

Бомж опечалился:

– Двести штук?.. Точно?.. Эй, погоди!.. Ты правда не обманываешь?.. Хорошие у тебя деньги?..

– Плохих не держим.

– Ты правда не обманываешь?

– Ну, может, чуток.

– Чуток это ничего... – совсем опечалился бомж. – Чуток это можно... Только ведь двести штук!.. Выходит, меня тут накалывали?..

Валентин встал.

– Эй, мужик! – вскинулся засуетился бомж. – Ты тут часто бываешь? Ну, в смысле, часто гуляешь? Живешь здесь? Или тоже гость города?

– Скорее гость.

– А если я еще принесу?

– Баксы?

– Хряксы! – грубо отрезал бомж. – Ты давай по делу. Меня тут, можно сказать, каждый раз накалывали. А я этого не хочу... Давай, я теперь тебе буду носить бумажки... Мне часто дарят богатые гости города... Иностранцы... А ты честный мужик... Я ж вижу... Не лупень.

И горестно забормотал:

– Двести штук... Бля!.. Бяки-козлики!..

– Ты ж пропьешь все.

– Ну, это как полагается, – опять с некоторым самодовольством заявил бомж и с опаской, как на сумасшедшего, поглядел на поднявшегося со скамьи Валентина. – Двести штук!.. Бля!.. Бяки-козлики!.. Как один столько пропьешь? Я ж не лупень... Я сейчас Ивановых поищу. Которые не братья. С ними интересно. Один всегда молчит, другой болтает, а третий за нож хватается... Ё-моё! Двести штук!.. – не мог бомж осознать привалившую ему в руки сумму. –

Вот это гость города!.. Это я понимаю... А, может, найду сейчас Кольку-Недопырку... У Кольки тоже бывают эти... Ну, баксы-шмаксы...

– А то пошли со мной, – совсем уже самодовольно пригласил бомж. – Ты честный гость города. Я тебя уважаю... Пошли... Тут недалеко... «Альтернативные напитки»... Там полбанки можно взять за семь штук...

Бомж с обидой посмотрел вслед не откликнувшемуся на его предложение Валентину.

Лупень!

Послушать не хочет умного человека.

Но ведь не обманул! – чуть ли не с восхищением подумал бомж Груня. – Не обманул, паскуда, полковника! Выдал. Не просто так, двести штук выдал!..

И огорчился. Один только этот честный паскуда-гость и не обманул. А все другие за такую же бумажку дают по-разному, но всегда меньше. Кто двадцать штук, кто еще как. Один раз дали пятьдесят. Так сказать, один к одному. По твердому счету.

Пруха, пруха идет! – радостно решил Груня. Надо прямо сейчас валить к вокзалу. Колька-Недопырка там. Мы это дело отметим... Двести штук!.. Ну, гость!.. Ну, паскуда!.. Двести штук!.. Копнуть бы такого гостя. У него много чего, наверное, есть в карманах...

Если к вечеру не напьемся с Колькой-Недопыркой до зеленой блевоты, решил Груня, ночевать будем в ночлежке.

Как люди.

Не просто так.

Он наперед знал, что напьются они с Колькой-Недопыркой до самой что ни на есть ужасной зеленой блевоты и не пустят их ни в какую ночлежку, но это его мало трогало.

Лето, ухмыльнулся он.

Переспим в кустах.

А вот остальные баксы-хряксы надо перепрятать, тревожно подумал он. Надежно перепрятать... Вишь, как они хорошо идут!.. От двадцати до двухсот штук! Не хухры-мухры... Часть заложу под подкладку телогрейки, а часть, может, закопаю где... На черный день...

И решил блажено: вот найду сейчас Кольку-Недопырку и пугну паскуду от всей души. Вот, скажу, паскуда хромая, сидишь, деньги у пролетариев у вокзала клянчишь, а Россию разворовали!

Колька-Недопырка слаб на Россию. У Кольки-Недопырки на Россию большой зуб. Не уберегла, сука, сына.

Это значит, Кольку-Недопырку Россия не уберегла.

А если Колька-Недопырка обидится, я его этими баксами-хряксами по рылу, по рылу! Скажу, теперь ты, паскуда-Колька, будешь у меня, как у цыгана конь. Я теперь тебе золотые зубы вставлю. А когда Колька-Недопырка совсем обидится, я его опять этими баксами-хряксами по рылу, по рылу! А к глазенкам узеньким колькиным наглым полуслепым придурошным удостоверение поднесу. Пусть посмотрит. На кого, дескать, тянешь, сука? На полковника тянешь? Я, думаешь, зачем заслан в вашу сволочную дыру, лупень?

И опять по рылу баксами-хряксами!

Все-таки полковник, подумал Груня не без гордости.

Тот же Колька-Недопырка когда-то полный срок оттрубил в армии, а толку? Даже вержанты Колька не вышел. Как был дураком, так и остался. А мне и денежки и звания сами идут. Я лежу, а они идут.

Так и должно быть, решил Груня самодовольно. Мы сейчас это дело обмоем... Как в кино... Звездочку в стакан и стакан одним махом!.. Я сейчас специально звездочку куплю в военторге... Жалко мне звездочку купить?.. Да нисколько! Специально куплю, чтобы Кольку-Недопырку напугать... У меня Колька-Недопырка сегодня сомлеет. Он у меня сегодня подвернет вторую ногу. На одну уже хром, паскуда, пусть будет хромать на обе.

Бомж с баксами, удивленно покрутил головой Валентин.

Украл, конечно, бомж баксы. Зазевался какой-то богатый, но рассеянный иностранный гость, вот бомж и упер бумажник. Все проплет, если не влипнет. Ишь ведь, от одной обезьяны произошли!

Но в сущности, прав бомж. От одной обезьяны.

Валентин замер. Шагах в десяти от Дома книги, закрытого то ли на ремонт, то ли навсегда, из белого сверкающего на солнце «ниссана» ловко вынырнула тоненькая женщина. На мгновение она выпрямилась и оглянулась.

Взгляд вправо.

Взгляд влево.

И сразу шаг в сторону Дома книги.

Узкая длинная светлая юбка с разрезом ничуть не мешала женщине делать короткие, но уверенные шаги. Такая же светлая кофточка. И кожаная черная сумка на ремешке.

Типичная бизнес-вумен, прикатившая в центр по своим делам.

И пахнет от нее, наверное, не варварскими духами, а настоящей шанелью, подумал Валентин. Уж эта-то бизнес-вумен явно произошла вовсе не от той обезьяны, которую самодовольный бомж с баксами считал своей и моей общей прародительницей.

Валентин растерянно всматривался.

Нет, бомж, кажется, прав... Все мы, кажется, произошли от одной обезьяны...

Если женщина была не Тоня, то уж точно Тонина сестра. Или ее двойник. Или двойница? Как правильно?

Да нет, внезапно расстроился Валентин. Так никогда не бывает. И не может быть. Никаких чудес! Какие к черту чудеса? Настоящая Тоня давно лежит на Митинском кладбище. Шестая аллея, захоронение номер шестнадцать. Нет Тони... Совсем нет... Нигде... Эта женщина всего лишь похожа на нее...

Но как!

Как похожа!

Каждым движением.

Поворотом головы.

Походкой.

Сколько лет этой бизнес-вумен? – прикинул Валентин. Ну, может, чуть за тридцать... Да и то вряд ли... Тридцати, пожалуй, не дашь... А Тоне сейчас было бы под сорок... И слишком спортивна эта бизнес-вумен для Тони, которую я знал... И слишком уверена...

Не замечая толчков, Валентин проталкивался сквозь толпу, стараясь не выпустить лже-Тоню из поля зрения.

Кто эта женщина?

Он вдруг вспомнил капрала Тардье.

За всю почти пятилетнюю совместную службу только однажды, когда, преследуя лесных негров, легионеры оказались на низком берегу болотистой реки Ояпоки, отделяющей Гвиану от Бразилии, и сидели в сырых зарослях, пытаясь найти в карманах хоть одну сухую сигарету, капрал Тардье спросил, откинувшись на какую-то корягу:

«Морис, ты ищешь кого-то? Или прячешься от кого-то?»

По неписанным правилам в Легионе таких вопросов не задают. Но вопрос задал друг. Проверенный друг. И Валентин знал, что будет совсем неважно, ответит он или нет. Он знал, что если даже он сделает вид, что не расслышал вопроса, капрал Тардье все поймет правильно. Все поймет правильно и никогда больше ни о чем таком не спросит.

Но в тот год Валентина уже мучили воспоминания о Тоне.

Он ответил:

«Скорее ищу, чем прячусь».

«Женщину?»

Валентин кивнул.

«Давно ищешь?»

Валентин пожал плечами:

«Давно».

«Не ищи», – дружелюбно посоветовал капрал.

«Почему?»

Капрал подмигнул:

«Не ищи, Морис. Она уже старая».

Но двойника Тони, так ловко выпрыгнувшего из сверкающего «ниссана» и столь деловито следующего вверх по проспекту, даже капрал Тардые не посмел бы назвать старой.

Энергичная молодая деловая женщина.

Она поразительно походила на Тоню.

На ту самую комсомолку Тоню, которую Валентин хорошо узнал лет десять назад во время очередных выступлений сборной СССР по греко-римской борьбе в Польше.

Никто тогда не знал об истинных занятиях Тони.

Кроме, конечно, полковника Шадрин Николай Петровича, куратора сборной от КГБ.

Издали следя за лже-Тоней, деловито шагающей вверх по Красному проспекту, Валентин вдруг вспомнил старый квартал в Варшаве, где они с Тоней не один раз сидели в знаменитом кабачке «Под крокодиллом». На их взгляд ничем таким особенным от других этот кабачок не отличался, но насквозь всех и все видевший бармен, всегда одетый во что-то похожее на концертный фрак, никогда не забывал напомнить прекрасной русской пани, сидящей рядом со знаменитым русским чемпионом Кудимой, что в кабачок «Под крокодиллом» нередко заходит сам пан Юзеф Циранкевич.

«Какой такой Циранкевич? Кто это?» – испуганным шепотом спросила Тоня, оглядываясь на бармена.

«Есть у них такой... В правительстве... Вроде нашего Подгорного... – так же шепотом ответил Валентин и тоже оглянулся на бармена. – Точнее, был... Теперь на пенсии...».

Бармен не понял их шепота.

Пан Юзеф Циранкевич любит заходить именно к нам, в который раз напомнил бармен прекрасной русской пани и ее знаменитому спутнику. Пан Юзеф Циранкевич человек уже не молодой, очень даже не молодой, но в кабачке «Под крокодиллом» он любит посидеть, выпить кружку пива или бокал светлого вина и поговорить с простыми людьми. Пан Юзеф Циранкевич, конечно, коммунист, это его убеждения, но он всегда любил общаться с простым народом... Например, всегда выпивал с народом кружку пива или бокал светлого вина... Даже пан Лех Валенса не сердится на пана Юзефа Циранкевича... Он много не навредил стране... Может даже принес пользу...

Бармен вежливо улыбнулся:

«А у вас в Москве есть такой кабачок, куда ваш пан Михаил Горбачев в любое время может заглянуть просто так, совсем запросто, чтобы выпить с простыми людьми кружку пива?»

«Товарищ Горбачев не пьет пиво», – сухо ответил Валентин.

Тоня одобрительно кивнула. Валентин тогда не знал, куда и зачем Тоня подолгу исчезает из гостиницы. Переводчица... Дел много... Но, кажется, именно в Польше Николай Петрович начал переговоры с каким-то восточным принцем, а может, шейхом, страна которого нуждалась в современном оружии...

Что делал какой-то восточный принц в Варшаве? Только ли покупал оружие? И неужели Тоне нравилось работать с Николаем Петровичем?

Нравилось, сказал себе Валентин.

А когда Тоне разонравилось, сказал он себе, ее тут же отправили на Митинское кладбище...

Валентин не понимал, зачем он, собственно, так упорно старается не упустить из виду эту незнакомую, пусть и поразительно похожую на Тоню женщину.

Раза два или три лже-Тоня небрежно обернулась.

Она ничем не выдала себя.

Валентин даже не понял, заметила ли она его? Выделила ли она его из толпы, прущей вдоль Красного проспекта?

Впрочем, лже-Тоня не могла его не заметить. Плечистый массивный Валентин выделялся в толпе, как ледокол среди мелких буксиров. Но ни одним взглядом, ни одним движением лже-Тоня себя не выдала. Но это и понятно, решил Валентин. Я попросту ошибся. Мало ли на свете похожих женщин?

Конечно, я ошибся. Иначе просто не может быть.

В конце концов, самодовольный бомж с баксами прав. У всех у нас в прабабушках ходила одна и та же обезьяна.

Раскуривая сигарету, Валентин приостановился и увидел, что лже-Тоня, еще раз небрежно обернувшись, еще раз демонстративно не заметив его, вскинула черную сумочку на плечо и вошла в кафе.

Или в бар.

Валентин не успел рассмотреть вывеску.

Обычно такие кафе или бары малы и сумеречны, подумал Валентин. Но у любого такого самого малого и сумеречного ресторанчика, как правило, имеется черный ход. Удобная штука. Действительно. Не будешь же загружать кухню через парадное. Если я войду вслед за этой женщиной и не найду ее в баре, подумал он, значит, она все-таки выделила меня из толпы. И знает, как пользоваться при случае черным ходом.

Он понимал, что женщина никак не могла быть Тоней. Он понимал, что это напрочь исключено. Нет никаких вариантов. В конце концов, он сам стоял над Тониной могилой.

Толкнув тяжелую дверь, Валентин оказался вовсе не в малом, а в достаточно просторном, но уже с утра накуреном и уютном баре.

Конечно, это был не ресторанчик, а бар. И даже не очень высокого пошиба.

Стойка с высокими кожаными табуретами на хромированных ножках. Десяток столиков. Народу не много. А служебный ход прямо за стойкой. Таким не очень воспользуешься.

Он выбрал столик в углу у затемненного окна, потому что стройная бизнес-вумен, которую он принял за Тоню, что-то негромко сказала бармену, сдержанно улыбнулась и длинным пальцем, на котором ярко блеснул перламутровый ноготь, указала на пустой столик. Не у окна, рядом с Валентином, как он надеялся, а совсем в стороне, возле стойки.

Сделав таким образом заказ, бизнес-вумен опять деловито перекинула черную сумочку через плечо и проследовала к гардеробу, за которым, вероятно, находились туалеты.

Этот бар, наверное, перестроен из какого-нибудь не оправдавшего себя магазинчика, решил Валентин. Отсюда такая странная планировка. Достаточно просторный зал, но совсем узкий коридорчик. И туалеты устроены сразу за гардеробом.

Перед гардеробом, кстати, даже не перед гардеробом, а, можно сказать, перед самыми туалетами сидела за крошечным столиком, похожем больше на тумбочку, крупная, густо накрашенная церберша. Ее короткие ярко-рыжие волосы тоже казались накрашенными. Но такими они, видимо, и были. Видимо, церберша следила за порядком в туалетах и вокруг, а заодно обслуживала гардероб. Летом это не хлопотно.

Проходя мимо рыжеволосой, лже-Тоня улыбнулась и бросила на столик мятую бумажку. Наверное, она хорошо знала цербершу.

Это добило Валентина.

С чего ты взял, что это Тоня?.. – сказал он себе. Мало ли что похожа... Тони тут в принципе быть не может... Даже не покойся она на Митинском кладбище в Москве, ей нечего было бы делать в Сибири... всю жизнь комсомолка Тоня работала в Москве, в Питере, в Восточной Европе, может, и дальше... Что ей делать так далеко от Москвы?..

Но похожа...

Очень похожа...

Валентин невольно потряс головой.

Плевать, решил он. Сейчас я дождусь эту бизнес-вумен, пересяду за ее столик и заговорю с ней.

Он представления не имел, решится ли он на самом деле заговорить с незнакомой женщиной?

И о чем, собственно, он может с нею заговорить?

Это капрал Тардье, вспомнил он, как никто, умел разговаривать с незнакомками.

Особенно с проститутками. В Кайенне они обычно толклись неподалеку от роскошного отеля «Монтабон». Издали завидев уверенного капрала Тардье, проститутки сбивались в кучку и начинали весело лепетать на всех наречиях, какие только существуют во Французской Гвиане. Они льстиво называли капрала Тардье большим генералом и считали, что большой генерал Тардье приезжает развлекаться в Кайенну прямо из недоступного для них таинственного ракетно-космического центра «Куру»... Или из портового комплекса Дегра-де-Кан. Тоже, так сказать, неплохое местечко... Или из международного аэропорта Рошамбо...

Да неважно откуда!

Главное, что большой генерал Тардье приезжает не из убогих кварталов, застроенных сырыми бетонными уродливыми бараками.

Шумные кайенские проститутки всегда ожидали появления капрала Тардье перед отелем «Монтабон» как праздника. И даже если капрал отказывал всем сразу, они не сердились на капрала Тардье. Разговаривая с ним, проститутки весело смеялась.

Неторопливый бармен принес и поставил на указанный лже-Тоней столик пластмассовую пепельницу и блюдечко с пирожным. Кофе, наверное, он собирался принести позже.

Валентин закурил.

Неторопливый бармен и перед ним поставил пепельницу.

А через минуту перед Валентином возникла чашка крепкого кофе.

Настоящего крепкого кофе.

Сделав глоток, Валентин удивился.

Оказывается, в Сибири умеют готовить кофе. Впрочем, хороший продукт далеко не каждому удастся испортить, рассеянно подумал он. К тому же, бар явно принадлежал частнику.

Валентин курил и ждал.

Прошло пять минут.

Семь...

Женщины неторопливы, рассеянно думал Валентин, мелкими редкими глотками отпивая кофе и терпеливо поглядывая в сторону рыжеволосой крашеной церберши, расположившейся за крошечным столиком, поставленным перед гардеробом.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Лже-Тоня не появлялась.

Допив кофе, Валентин снова закурил.

Уже не бармен, а просто длинноногая девица в белом кружевном переднике убрала пепельницу и блюдце с пирожным со столика, на который пятнадцать минут назад длинным пальцем, на котором блеснул перламутр ногтя, указала бармену бизнес-вумен, так сильно похожая на Тоню.

Только увидев это, Валентин понял, что лже-Тоня вовсе не собиралась пить кофе. Скорее всего, подумал он, лже-Тоня заметила меня и чем-то я ей сильно не понравился. Да и кому

понравится плечистый хмурый незнакомец, столь странно и решительно следующий за тобой по пятам? Вот опытная бизнес-вумен и нашла способ избавиться от незнакомца.

Но зачем?

Этого Валентин не знал.

Он поднялся и расплатился с барменом.

Потом неторопливо подошел к рыжеволосой церберше.

– Мадам, – негромко сказал он, пригнувшись к ней, потому что церберша поначалу даже не подняла голову. – Мадам, четверть часа назад мимо вас к туалетам прошла женщина... В таком, знаете, светлом деловом костюме... А обратно почему-то не вышла...

И прямо спросил:

– Куда она могла подеваться?

Рыжеволосая церберша удивленно подняла голову и так же удивленно пожала толстыми круглыми плечами. Выглядела она грубовато. Обращение *мадам* могло ей не понравиться. Валентин ожидал какого угодно ответа, но рыжеволосая церберша, подумав и еще раз пожав толстыми круглыми плечами, ответила на редкость доброжелательно:

– Это дамская комната.

Загородив собой цербершу от лишних взглядов, Валентин улыбнулся и выложил на столик десять долларов.

– Мне не надо в дамскую комнату, – сказал он все так же негромко. – Я не хочу проверять дамскую комнату. Я просто хочу узнать, куда могла подеваться женщина в светлом деловом костюме? Я внимательно следил за входом. Я не мог ее упустить. Она не могла уйти незамеченной.

– Наверное, она все-таки ушла, – все так же доброжелательно кивнула рыжеволосая церберша, незаметно забирая купюру со столика. – По крайней мере, за кофе и пирожное она заплатила.

– Вам?

– Да. Она оставила деньги мне. Чтобы я передала их бармену. Наверное, она сразу знала, что уйдет, не выпив кофе.

И многозначительно добавила:

– Если она ушла, значит, ей не хотелось с кем-то встречаться.

– А что, из дамской комнаты есть какой-то особый выход?

Церберша доверительно улыбнулась:

– Это старое здание. Очень старое. Когда-то, говорят, здесь был доходный дом. А потом, говорят, общага НКВД. Так говорят, я не знаю... Тут все помещения соединены входами и выходами. Настоящий лабиринт. Что-то такое вроде обширной и разветвленной коридорной системы. Часть дверей давно перекрыли, но некоторые остались. Нет смысла их заделывать. О некоторых дверях вообще почти никто не знает. Иногда это удобно.

– Кому? – удивился Валентин, угощая цербершу сигаретой.

– А нашим девочкам удобно, – улыбнулась рыжеволосая церберша, закуривая. Наверное она имела в виду местных проституток. – Мы заботимся о наших девочках. Мы стараемся, чтобы девочек никто не обижал.

– А кто их может обидеть?

– Как кто? – удивилась церберша. – Кавказцы.

Десять баксов и сигарета развязали ей язык. А может, она вообще была разговорчивая.

– Кавказцы сюда приходят компаниями. Они шумят и спаивают наших девочек. Ну, вы же понимаете... У нас не очень любят кавказцев. М наши девочки боятся с ними гулять.

Видимо, церберша заметила ироническую усмешку Валентина и добавила более сухо:

– Если вы читаете газеты, то, наверное, понимаете, почему теперь наши девочки боятся гулять с кавказцами. Вот заранее и договариваются со мной. Попили, поговорили, посмеялись,

а потом в дамскую комнату. В одной кабинке у нас специально оставлена дверца. Как раз такая, чтобы девушке пройти. Это я только вам говорю, – совсем уже доверительно предупредила церберша. – А дверца открывается в нашу подсобку. Девочки знают об этом. А из подсобки можно выйти в служебный коридор. Так что, все под контролем. Если девочки чувствуют, что им пора уходить, они уходят именно так.

– А кавказцы?

– Ну, что кавказцы?.. – понимающе развела руками рыжеволосая церберша. – Кавказцы сердятся. Только они ведь ни за что не пойдут в дамский туалет. У них нет такого понятия.

– Простите, а женщина, которая сюда вошла... Ну, про которую я говорю... Она что, тоже из ваших девочек?..

– Да ну! Скажете! – удивилась рыжеволосая церберша и было видно, что она не врет. – Эта не такая... Эта, сразу видно, порядочная женщина... Говорю вам, ей просто не хотелось с кем-то встречаться.

– Часто она у вас бывает?

– Ну, не знаю... Она из новеньких... Но бывала... Раза два... А может, бывала и не в мою смену...

– Ей уже приходилось уходить отсюда таким способом?

Рыжеволосая церберша поджала губы:

– Любая гостя имеет право воспользоваться туалетом.

И добавила:

– Зачем вам это?

– Она мне понравилась, – очень серьезно произнес Валентин и выложил на столик перед горничной еще пять долларов.

– Ну, если понравилась... – подозрительно протянула гардеробщица, но деньги взяла. – Если понравилась, тогда я вам так скажу... Это порядочная женщина... На моих глазах она всегда уходила обычным путем и с никакими кавказцами никогда не путалась... Она, по-моему, из настоящих... Из деловых, из умных... Такие у нас тоже бывают...

– Когда вы ее видели, она приходила сюда одна?

– Нет, с мужчиной.

– На кого он похож?

– А на вас он похож!.. – вдруг сильно удивилась гардеробщица. – Ну, точно говорю!.. На вас!.. Ну, может, чуток помоложе...

– Она всегда приходила сюда именно с этим мужчиной?

– Да нет... Я же вам говорю, она у нас редко бывает... Я и видела ее раза два... А мужчина... – изумленно повторила церберша. – Он точно походил на вас!..

– А кто у вас здесь обычно собирается?

– Ну, как кто?.. – заметно поскущела рыжеволосая церберша. – Разные люди... В основном, молодежь... Но и деловые... Всякие у нас люди бывают... Иногда кавказцы приходят...

– А эта женщина? Вы ее знаете?

– Извините, не знаю, – строго ответила церберша и поднялась: – Извините, меня зовут.

И встав, неторопливо поплыла к стойке к окликнувшему ее бармену.

Заглянуть в туалет? – подумал Валентин.

Какой смысл?

Зачем врать гардеробщице? Она и так много наговорила. Даже, наверное, слишком много. По крайней мере, больше, чем следовало. Вон как бармен на нее вызверился.

А ей что?

Может, это она сама нашла такой оригинальный способ помогать девочкам.

Честехранительница, ухмыльнулся Валентин.

Ишь, какие тут робкие девочки. Гулять бояться с кавказцами. Как испугались, так нырь в кабинку, а там дверца наружу... И все под контролем... С девочек, наверное, за такие штуки деньги берут... Эта же церберша, наверное, и берет... Как за проезд по частной дороге...

Валентин вышел на Красный проспект.

Чужие люди.

Чужой город.

Он вдруг поймал себя на том, что думает вовсе не о лже-Тоне.

Оглянувшись, посмотрел на дверь бара.

Он думал, что, в сущности, человек должен всегда сидеть на одном месте. Как гриб. Где пророс, там и сиди. Как эта рыжеволосая церберша. Тогда многие проблемы отпадут сами собой.

Когда постоянно сидишь на одном месте, подумал Валентин, все, что ты видишь вокруг, постепенно начинает входить в твою собственную зону внимания и становится твоим. Именно твоим, а не чьим-то. А когда ты часто перемещаешься в пространстве, все наоборот постепенно тускнеет, начинает терять краски и очертания. Все постепенно, но необратимо становится чужим. Конечно, перемещаясь в пространстве, ты рано или поздно встречаешь некие загадочные подобию, некие загадочные повторения, иногда, наверное, даже значительные, но все равно это всегда *подобия*, повторения.

Не больше.

Вот как лже-Тоня.

Зеркальные и ненужные подобию и повторения, подумал Валентин.

И никогда эти загадочные зеркальные подобию и повторения ничего тебе не принесут, кроме раздражения и неловкости.

Ше муа, решил он. Пойду домой.

Наберу продуктов и пойду домой.

И буду ждать Куделькина-младшего.

И отдам ему чужую спортивную сумку.

И может, напьюсь, чтобы забыть о лже-Тоне. Забыть, как, в сущности, забыл о Тоне настоящей.

В этот момент Валентину действительно не хотелось ни загадочных подобию, ни повторений.

Глава V

Поздний звонок

3 июля, Новосибирск

– Ау, дядя Валя! Надеюсь, вы обустроились?

От Куделькина-младшего остро несло потом, рубашку хоть отжимай. Улыбка выглядела откровенно усталой. Он и не скрывал этого. Похоже, подумал Валентин, Куделькин-младший несколько дней провел в дороге. Или просто давно не спал. Правда, парень крепкий. В отца. И с его прибабахами. Сейчас начнет изображать великое гостеприимство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.